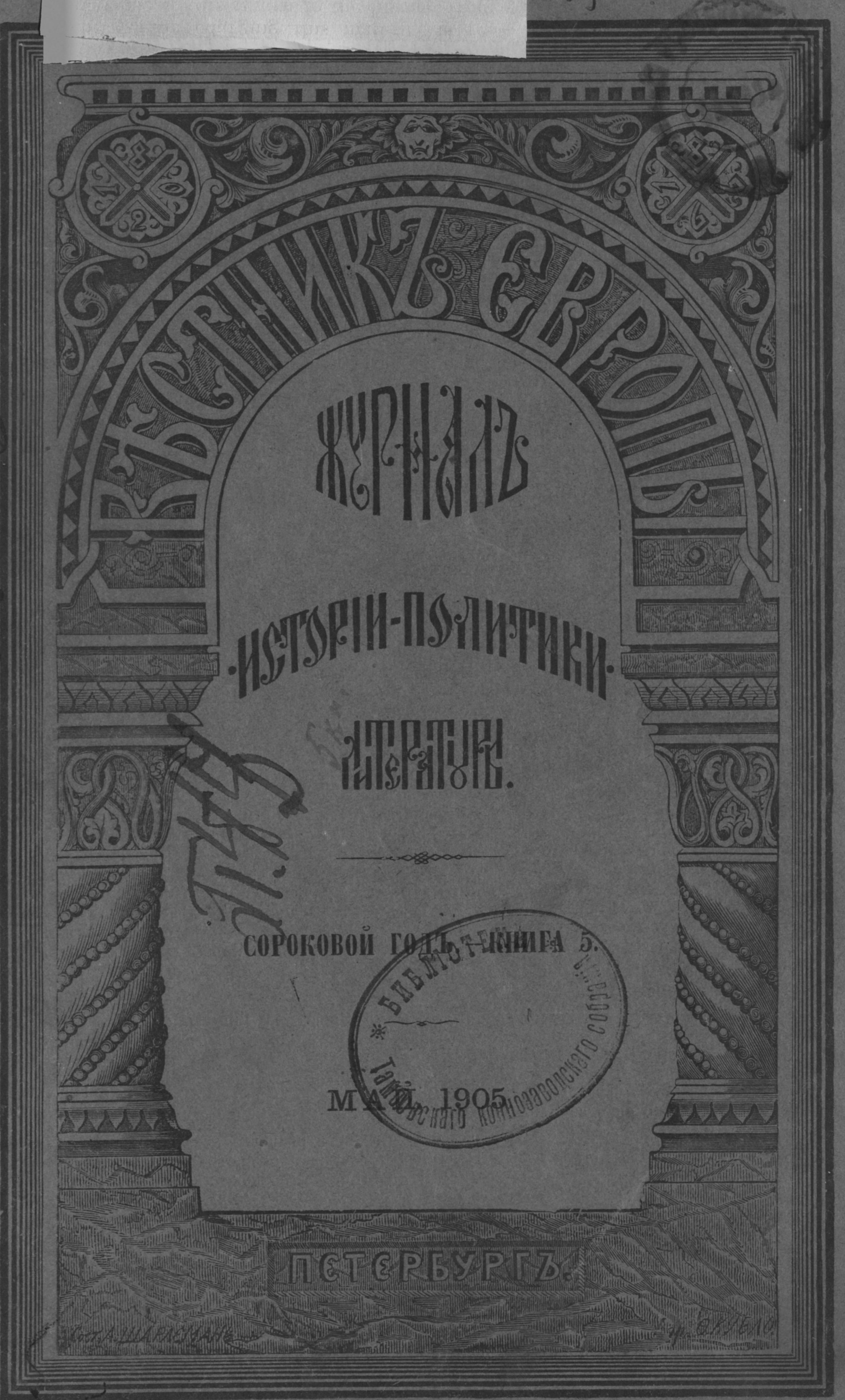

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 5-я. — МАЙ, 1905.

стр.

ИЗЪ
МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ

1843—1860 гг.

Окончаніе.

XV *).

„И мнѣ драгоцѣнны, да еще какъ драгоцѣнны минуты шестидесятыхъ годовъ, со всѣми призматическими надеждами, въ большей части несбывшимися или переиначенными пыльною дѣйствительностью жизни“!..

Изъ письма Н. И. Костомарова, отъ 6-го янв. 1881-го года.

1859—60-й годъ былъ наиболѣе счастливымъ, наиболѣе исполненнымъ содержанія годомъ моей жизни. Все, что посѣяли въ мою душу такіе люди, какъ отецъ мой, m-me Левель, Старовъ, Шевченко, Щербина, Кулибинъ,—начало быстро всходить и созрѣвать; я столько переживала впечатлѣній, что, въ моемъ воспоминаніи, этотъ годъ кажется равнымъ половинѣ всей жизни.

Подъ наплывомъ откровеній, которыя такъ и зарождались передо мной, я, со свойственной мнѣ страстностью, отдалась потоку окружавшей меня, ключомъ бившей жизни. Съ какимъ захватывающимъ вниманіемъ стала я слѣдить за каждымъ словомъ моего учителя Бауера, вводившаго въ преподаваніе исторіи географію, археологію и искусство! Какой чудный и глубокій

*) См. выше: апрѣль, стр. 763.

смыслъ пріобрѣла исторія, когда любимымъ героемъ ея сдѣлался для меня не витязь или король, а *человѣчество*! Всѣ отрасли науки о природѣ и человѣкѣ начали цѣпляться другъ за друга, образуя нѣчто цѣлое и гармоничное, и широкій, широкій, всеохватывающій горизонтъ развертывался передъ моими очарованными глазами!..

Бываютъ счастливые періоды въ жизни отдѣльныхъ людей и цѣлыхъ народовъ, когда дурныя сѣмена въ ихъ душѣ какъ будто глохнутъ, а добрыя восходятъ и пышно расцвѣтаютъ. Такимъ періодомъ было время такъ называемыхъ „шестидесятыхъ годовъ". Къ моему великому счастью, расцвѣтъ моей юности совпалъ съ расцвѣтомъ всей русской жизни.

Будущій историкъ этого времени долженъ быть большимъ художникомъ, чтобы прочувствовать и передать, въ достаточно яркихъ краскахъ, то незабвенное время, одно воспоминаніе о которомъ заставляетъ радостно биться сердца, время полное юныхъ и свѣтлыхъ иллюзій, время подъёма духа, бодрости, энтузіазма,—передать и ту поражающую быстроту, съ которой совершалось это движеніе. Хотя всѣ благія перемѣны въ понятіяхъ и были предуготованы прежними годами развитія, но онѣ выяснились и вступили въ сознаніе большинства людей вдругъ. Жившіе въ то время помнятъ, какъ, напримѣръ, до 59-го года, лучшія матери не кормили сами своихъ дѣтей, лучшіе люди признавали дѣятельность женщины только въ своемъ домѣ и хозяйствѣ, и какъ внезапно взглядъ на подобныя вещи перемѣнился.

Самое большое счастье для насъ, людей „шестидесятыхъ годовъ", заключалось въ нашей увѣренности: у насъ не было мучительныхъ сомнѣній и колебаній. Теперь критика затемняетъ вѣру, рефлексія отнимаетъ бодрость и жизнерадостность; теперь и старые, и молодые часто спрашиваютъ себя: гдѣ истина? гдѣ благо? въ чемъ спасеніе? Такіе вопросы были чужды намъ. Мы знали—чего хотѣли. Все было намъ ясно: освобожденіе крестьянъ, реформа суда, свобода слова, только дайте намъ это,—тамъ уже сами собою пойдутъ дальнѣйшія логическія послѣдствія, и Россія вступитъ въ новую эру, пойдетъ рука объ руку съ остальнымъ міромъ по пути развитія и счастья человѣчества. И мы видѣли, что наши пламенныя желанія осуществляются, наши мечты переходятъ въ дѣйствительность. Нервы наши были натянуты, духъ приподнятъ, мы чувствовали себя участниками въ общемъ великомъ дѣлѣ, мы ощущали какъ бы опьяненіе творчества... Еслибъ всѣ мечты наши дѣйствительно осуществились, то и тогда можно

бы было смотрѣть съ завистью на „шестидесятые годы“, ибо наиболѣе *счастливые* періоды цивилизаціи—не тѣ, въ которыхъ что-нибудь хорошее достигнуто и практикуется, а тѣ, когда это хорошее созидается. Счастье для человѣка—не въ покоѣ, а въ движеніи, въ дѣяніи.

Какъ нѣчто органически связанное съ стремленіями того времени, какъ очагъ, около котораго сплотилась молодежь, явился Николай Ивановичъ Костомаровъ. Этотъ человѣкъ, пострадавшій за тѣ идеи, которыя теперь торжествовали и въ торжествѣ своемъ возносили его, казался намъ залогомъ, что теперь не будетъ болѣе недоразумѣній, всѣ силы родины пойдутъ вмѣстѣ на общее дѣло. И вотъ, не только этотъ опальный недавно человѣкъ, при общемъ восторгѣ, восходитъ на каѳедру, но за нимъ растворяются двери университета для другого опальнаго до сихъ поръ существа—для женщины!

Я рвалась раздѣлить участь тѣхъ нѣсколькихъ женщинъ—сестеръ Конради, Богдановой и др.,—которыя рѣшились вступить въ университетъ и пошли на первую лекцію Костомарова, но мать не пустила меня и поѣхала сначала одна. Я провела часы ея отсутствія въ большомъ волненіи и бунтовала: „Во что бы то ни стало буду на лекціяхъ! Пойду одна, пойду противъ мамы!“—говорила я себѣ, въ душѣ чувствуя, что рѣшительно ничего „противъ мамы“ не подѣлаю... Къ моей радости, она вернулась очень довольная, и на третьей, кажется, лекціи, я уже присутствовала. Съ какимъ священнымъ трепетомъ я вступала въ университетъ, какъ все въ немъ, чуть ли не самыя стѣны, внушало мнѣ чувство благоговѣнія, какъ скоро стало близкимъ и роднымъ, этого теперь никто не пойметъ, объ этомъ не стоитъ и говорить.

Студенты были очень любезны съ дамами. Въ большой, биткомъ набитой актовой залѣ, гдѣ вскорѣ началъ читать Костомаровъ, такъ какъ аудиторіи не вмѣщали слушателей, намъ всегда сохраняли лучшія мѣста. Съ незнакомыми раньше молодыми людьми мы встрѣчались какъ съ братьями. Говорили, спорили безъ конца, вся зала гудѣла, какъ пчелиный рой, но входилъ профессоръ... Небольшого роста, держась немного сутуловато, привычнымъ жестомъ поправляя очки, разговаривая съ окружающими, онъ поспѣшно пробирался къ каѳедрѣ. Онъ всходилъ на нее, и полная тишина водворялась въ огромной залѣ. Всѣ взоры устремлялись на того, кого молодежь чтила не только какъ профессора, но и какъ человѣка. По лицу Костомарова было видно, что то, что̀ онъ будетъ сейчасъ дѣлать, для него

не шутка, не ремесло, а дѣло его жизни, суть его души, и какая-то искра пробѣгала между нимъ и нами.

Говорилъ Костомаровъ стоя, часто облокачиваясь на каѳедру. Кое-какія замѣтки и справки лежали передъ нимъ, но онъ не прибѣгалъ къ ихъ помощи, даже цитируя тексты. Онъ всегда порицалъ профессоровъ, читавшихъ по писанному: „Какъ я буду требовать отъ студентовъ, чтобы они знали, что̀ я преподаю, если я самъ не знаю!"—говорилъ онъ по этому поводу. Костомаровъ не читалъ, не преподавалъ, а просто, какъ въ гостиной, бесѣдовалъ, доказывая свой взглядъ; онъ изъяснялъ слушателямъ генезисъ этого взгляда, проводилъ его по пути, по которому шелъ самъ, распутывая только передъ ними заплетавшія этотъ путь препятствія. Вамъ казалось, что онъ самъ, вотъ сейчасъ, здѣсь передъ вами, убѣдился въ томъ, что̀ говоритъ, убѣдился безповоротно, не могъ не убѣдиться, какъ не можете не убѣдиться въ томъ же и вы. Онъ не давалъ готовыхъ выводовъ, онъ изслѣдовалъ съ вами,—и выводы сами слагались въ вашемъ умѣ и являлись какъ бы вашими собственными. Логично и полно жизни, талантливо и колоритно было его изложеніе: цѣлыя картины давно минувшаго съ яркостью проходили передъ вашими глазами; онъ говорилъ о людяхъ, жившихъ столѣтія тому назадъ, какъ о своихъ близкихъ знакомыхъ, онъ становился на точку зрѣнія ихъ времени, говорилъ ихъ языкомъ, возстановлялъ связь между ними и вами. Я думаю, что сердечное и любовное изученіе современнаго русскаго народа помогало Костомарову такъ жизненно чувствовать его прошлое. Весь бытъ, всю жизнь народа развертывалъ онъ передъ вами съ ея смѣхомъ и съ ея трагизмомъ, онъ заставлялъ васъ и смѣяться, и грустить, и волноваться... Молодыя души на лекціяхъ Костомарова разгорались восторженной любовью къ людямъ, къ добру, къ истинѣ... Человѣка, съумѣвшаго возбудить эти чувства, выносили на рукахъ, при громѣ рукоплесканій, отъ котораго дрожали стекла! А онъ посреди этихъ овацій оставался простъ, скроменъ, требователенъ къ себѣ,—только чувствовалось, что онъ счастливъ.

Добродушные и шаловливые бѣсы изъ Четій-Миней блестѣли въ устахъ Костомарова народнымъ юморомъ; онъ такимъ серьезнымъ тономъ, какъ о дѣйствительности, разсказывалъ объ ихъ похожденіяхъ, такія придавалъ интонаціи своему голосу, когда говорилъ отъ ихъ лица, что гомерическій хохотъ стоялъ въ аудиторіи. Никогда не забуду, между прочимъ, разсказа, какъ святой отецъ спрашивалъ кающагося и жаждавшаго искупительной жертвы,

князя: „Можешь ли ты провести пятнадцать лѣтъ въ постѣ и молитвѣ въ храмѣ Господнемъ?“ —„Не могу!“ —отвѣчалъ князь. —„Ну, хоть три года?“ —„Не могу!“ —„Ну, хоть три мѣсяца?“ —„Не могу“. —„Ну, хоть три дня?“ —„Не могу!“ Надо было слышать оттѣнки голоса разсказчика, передававшіе угнетенное состояніе князя и удивленіе отца его духовнаго, чтобы понять весь комизмъ и всю характерность подобныхъ вводныхъ эпизодовъ. По этому поводу на Костомарова былъ сдѣланъ доносъ, гдѣ его обвиняли въ томъ, что онъ употребляетъ слово „легенды“, говоря о дѣяніяхъ святыхъ, что онъ богохульствуетъ, выводя святыхъ отцовъ на посмѣяніе...

Я, однако, увидѣла Костомарова въ первый разъ не на каѳедрѣ, но въ обстановкѣ, тоже какъ нельзя болѣе подходящей къ нему, —среди фоліантовъ и рукописей Публичной Библіотеки. Какъ только Костомаровъ пріѣхалъ въ Петербургъ, мы, само собой разумѣется, захотѣли познакомиться съ нимъ; это оказалось не такъ-то легко: Н. И. наотрѣзъ отказался знакомиться съ „графами“. „Ну, да ничего, —сказалъ Шевченко, —пусть себѣ фордыбачитъ, а мы его поймаемъ. Пойдемте-ка въ Публичную Библіотеку, онъ тамъ каждый день занимается, тамъ я васъ съ нимъ и познакомлю, —небось самъ тогда къ вамъ запросится“. Такъ и было сдѣлано. Съ первой минуты, какъ я увидѣла Костомарова и услышала его голосъ, мнѣ показалось, что я съ нимъ уже давно знакома; на отца и мать онъ сдѣлалъ такое же впечатлѣніе; вѣроятно и мы ему сразу понравились, потому что съ тѣхъ поръ онъ сталъ бывать у насъ, съ рѣдкими исключеніями, каждый день. Почти всегда послѣ его лекцій (которыя, когда только могъ, посѣщалъ и отецъ мой) мы вмѣстѣ отправлялись къ намъ.

Увлеченная университетомъ и Костомаровымъ, я забросила даже живопись. Мѣшало мнѣ и возбуждало назойливую досаду усилившееся ухаживаніе за мной. Въ моемъ дневникѣ проглядываетъ раздраженіе по этому поводу. Еслибъ мои поклонники, съ ихъ ревностью другъ къ другу, могли себѣ представить, какъ далека я была отъ нихъ всѣхъ, они избавили бы себя отъ безплодной траты времени. Одинъ изъ нихъ еще, пожалуй, имѣлъ право дѣлать себѣ какія-нибудь иллюзіи, такъ какъ я усиленно „развивала“ его. Я требовала, чтобы онъ ходилъ на лекціи Костомарова, а онъ, не понимая характера моего увлеченія, ревновалъ меня къ нему и упирался. „Поймите, —говорила я, —что я хочу, чтобъ вы бывали на лекціяхъ не для того, чтобъ вы изучали русскую исторію, но чтобъ вы раздѣлили со мной и со

всѣми то радостное чувство, которое мы тамъ всѣ испытываемъ, когда видимъ, что наша Россія развивается, стремится къ знанію"...

„— Эка невидаль,—перебивалъ онъ,—что тамъ тридцать-восемь дамъ было! Я бы такъ всѣхъ этихъ госпожъ выгналъ оттуда: сидятъ, учатся, а пользы отъ нихъ нѣтъ...

„— Значитъ, имъ надо еще больше учиться. Если теперь есть такіе люди, какъ Костомаровъ, то черезъ нѣсколько времени ихъ будетъ больше. А вотъ что̀ больно,—что есть еще такіе, какъ вы, которые не хотятъ идти впередъ, не хотятъ расширять свой взглядъ, не хотятъ пополнять недостатокъ своего образованія.

„— Ахъ, вы поэтъ! составили себѣ какой-то идеалъ, и вотъ дай вамъ такихъ людей. И терзайтесь всю жизнь, что люди не ангелы, и плачьте! Поплачьте вотъ, что у Байрона нравственность была плоха!

„— Что же вы за эгоистъ, что не жалѣете, что есть зло на землѣ? Вамъ, можетъ быть, все равно—освободятъ нашихъ крестьянъ или нѣтъ?!

„— Ахъ, ты мой Господи! да развѣ я ихъ крѣпостными сдѣлалъ?

„— Это и не логично, и бездушно, что̀ вы говорите.

„— Чѣмъ имъ моя жалость поможетъ? Что̀, я ихъ освобожу одинъ, что-ли?

„— Если всѣ такъ будутъ говорить,—кто же будетъ дѣлать? Христосъ тоже одинъ былъ.

„— Э, все это не стоитъ одного свѣтлаго дня для работы!

„— Значитъ, цѣль вашей жизни—одна живопись?

„— Конечно цѣль моей жизни живопись.

„— А я такъ полагала, что это одно изъ средствъ, а цѣль жизни гораздо выше...

„— Что̀ же мнѣ дѣлать, если я не такъ понимаю вещи, какъ вы?

„— Уйти вонъ!"

Такими дерзостями съ моей стороны часто кончались наши пререканія. За приведеннымъ разговоромъ [1]), въ моемъ дневникѣ значатся слѣдующія слова: „Ужъ сколько я старалась развивать его—и все напрасно! И подѣло̀мъ мнѣ! Лучше спорить съ умнымъ, чѣмъ учить безумнаго, какъ говоритъ Даніилъ Заточникъ". Да приметъ во вниманіе снисходительный читатель, что мнѣ еще не было шестнадцати лѣтъ, когда писались эти строки. Если

[1]) Всѣ разговоры, приводимые мною, выписаны изъ моего дневника того времени.

я полубезсознательно еще сохраняла нѣкоторое чувство въ глубинѣ души своей, то это было къ К. Я иногда видѣла его во снѣ плачущимъ и, проснувшись, бывала грустна весь день.

Но все казалось мнѣ ничтожнымъ передъ тѣмъ интересомъ, тѣмъ содержаніемъ, которые внесъ въ нашу жизнь Костомаровъ.

Его многостороннее образованіе, его удивительная скромность, правдивость, теплота его отношенія къ людямъ, чуткость и отзывчивость ко всему доброму и прекрасному, живописность его рѣчи, способность переходить отъ серьёзныхъ научныхъ разговоровъ къ дѣтской веселости, все въ немъ возбуждало во мнѣ чувство горячаго восхищенія. И не во мнѣ одной: отецъ мой глубоко цѣнилъ Костомарова, наши друзья не меньше меня восторгались имъ, — „свѣтлая личность", „чистая душа"—называли они его. Шевченко, Щербина, Сѣверцевъ, Благовѣщенскій, котораго Щербина называлъ „Marquis de l'Annonciation" (его внѣшній видъ и мягкія манеры дѣйствительно напоминали маркиза), Кулишъ, который тогда былъ, или казался, большимъ поклонникомъ Костомарова, Сухомлиновъ, Лазаревскіе и многіе другіе чаще прежняго собирались у насъ.

Костомаровъ былъ изъ тѣхъ рѣдкихъ прекрасныхъ людей, которые считаютъ свои достоинства, свои благородные поступки чѣмъ-то совсѣмъ простымъ, естественнымъ, вовсе не заслуживающимъ похвалы, и поступаютъ хорошо, потому что иначе поступить не могутъ. Костомаровъ смотрѣлъ на міръ спокойно, и ясно, какъ всѣ, кто созерцаетъ его съ нѣкоторой высоты [1]).

Правда, правдивость, не уступающая ни передъ чѣмъ, была и свойствомъ его натуры, и настоящимъ культомъ, доведеннымъ Николаемъ Ивановичемъ въ частной жизни до крайности. Къ сожалѣнію, я не могу придать гласности извѣстныхъ мнѣ необыкновенно благородныхъ и характерныхъ для него случаевъ изъ его жизни, гдѣ онъ сильно повредилъ себѣ изъ опасенія, чтобы какъ-нибудь не покривить душой. У него была, если можно такъ выразиться, излишняя щепетильность правдивости. Николай Ивановичъ говорилъ иногда въ глаза не совсѣмъ пріятныя истины и удивлялся, какъ могутъ обижаться за правду или огорчаться ею; самъ онъ былъ въ этомъ послѣдователенъ—никогда не обижался на откровенное порицаніе и, если оно было справедливо, сейчасъ же соглашался. Онъ говорилъ, что правда всегда хороша, всегда полезна. Очень неохотно соглашаясь, что

[1]) Все, что̀ я говорю о Костомаровѣ, было моимъ мнѣніемъ того времени, но 35-ть лѣтъ близкаго знакомства съ Н. И. не измѣнили, а утвердили эту оцѣнку его.

бываютъ случаи, когда слѣдуетъ не высказывать истину, а промолчать, онъ отвергалъ, чтобы ложь могла быть „во спасенье“: „съ этимъ правиломъ, говорилъ онъ, можно Богъ знаетъ куда зайти“.

Въ одномъ разговорѣ со мной онъ сказалъ: „Нельзя, принадлежа къ какой-нибудь религіи, брать изъ нея одно, оставляя другое. Надо брать все или ничего. Если вы сами создали себѣ свою вѣру, то называйте ее какъ-нибудь иначе, а не христіанской. Вы не должны ходить въ православную церковь, не должны идти въ общество, къ которому вы не принадлежите, съ которымъ у васъ нѣтъ общаго интереса“.

— Мнѣ дѣла нѣтъ до другихъ,—отвѣчала я,—я иду въ церковь, чтобы молиться Богу, въ Котораго я вѣрую.

„— А въ какого бога вы вѣруете?

— Какъ въ какого? Въ Того же, въ Котораго и вы вѣруете, и всѣ въ церкви.

„— Нѣтъ, вы въ другого вѣруете. Пошли ли бы вы молиться въ магометанскую мечеть“?

— Отчего же не пойти? Богъ одинъ.

„— Ну, нѣтъ. У нихъ свой богъ, не тотъ, что у насъ“.

— И лютеранину, можетъ быть, по вашему, нельзя ходить въ православную церковь?

„— Да зачѣмъ ему? Для любопытства только! Вотъ, раскольники и логичнѣе, и благороднѣе поступаютъ. Они хотя и немного православнѣе васъ, — вставилъ онъ, улыбаясь, — но никогда ни одинъ не пойдетъ въ нашу церковь. Я вѣдь не осуждаю ваши взгляды, мнѣ только противна всякая неискренность. Зачѣмъ дѣлать что-нибудь для проформы, зачѣмъ ходить въ церковь, когда вы не вѣрите тому, чему учитъ эта церковь! Молитесь у себя въ комнатѣ“.

Къ нападкамъ печати Н. И. относился въ высшей степени добродушно. Мы иногда ужасно волновались по поводу нѣкоторыхъ возмутительныхъ инсинуацій и упрекали его, что онъ принимаетъ ихъ слишкомъ равнодушно. „Какъ вы несправедливы!—отвѣчалъ онъ.—Какъ же это такъ? Вы всегда стоите за свободу, а тутъ вдругъ хотите лишить человѣка права высказывать свое мнѣніе? Какъ это можетъ сердить, когда человѣкъ высказываетъ свое убѣжденіе“?

Противъ такъ часто раздававшихся обвиненій Костомарова въ разрушеніи идеаловъ и развѣнчиваніи народныхъ героевъ, онъ говорилъ, улыбаясь: „Чѣмъ же я виноватъ, если я этого не вижу, не нахожу въ источникахъ? Что̀ есть въ источникахъ, то̀

я знаю, а чего нѣтъ, того не знаю; я такъ и говорю: этого я не знаю, этого нѣтъ въ источникахъ,—что̀ же я тутъ могу подѣлать"?!

Костомаровъ никогда не искалъ популярности и обо всѣхъ чествованіяхъ и оваціяхъ, достававшихся ему на долю, говорилъ всегда только шутя. Когда мы дразнили его тѣми дамами, которыя дѣйствительно сильно ухаживали за нимъ, онъ говорилъ, смѣясь: „Для прекраснаго пола я готовъ на все!.."—„Однако, еслибы вамъ „прекрасный полъ" приказалъ читать лекцію три часа подъ-рядъ, вы бы навѣрное отвѣтили, какъ вашъ князь: не могу".—„Я? Да я читалъ бы три часа, стоя на одной ножкѣ, еслибъ мнѣ „прекрасный полъ" приказалъ"!

Бывало, идешь съ Н. И. по улицѣ или въ фойэ театра,—только и слышишь: „Это Костомаровъ!"—„Смотрите, вотъ идетъ Костомаровъ!"—но онъ, всегда занятый какою-нибудь мыслью или разговоромъ, и не замѣчалъ этого.

Я никогда не встрѣчала кого-нибудь, кто бы такъ спорилъ, какъ Костомаровъ. Въ спорѣ онъ сказывался весь: видно было, что въ немъ дѣйствуетъ не выработанная или индифферентная сдержанность, а глубоко развитое уваженіе къ человѣческой личности, внутреннее убѣжденіе въ правѣ каждаго, кто бы онъ ни былъ, имѣть свое собственное мнѣніе и высказывать его. Н. И. выслушивалъ каждаго, даже того, кто стоялъ неизмѣримо ниже его по уму и знанію, выслушивалъ до конца, стараясь въ словахъ противника отыскивать не слабыя стороны, къ которымъ можно бы придраться, но какой-нибудь проблескъ истины; когда онъ возражалъ, онъ не пропускалъ ни одного изъ самыхъ ничтожныхъ доводовъ противника безъ отвѣта; ему не переспорить кого-нибудь хотѣлось, а именно чего-нибудь добиться, и ничто не казалось ему пустякомъ, что̀ могло повести къ разъясненію истины.

Ни одинъ разговоръ съ Костомаровымъ не проходилъ безслѣдно, всегда можно было чему-нибудь научиться, всегда оставалось—о чемъ подумать и призадуматься. Разсказы Н. И. дышали необыкновенной прелестью: отличаясь художественною яркостью, они были какъ-то непосредственно просты. У Костомарова было много юмора, но другого оттѣнка, чѣмъ у Щербины. „Тотъ *колюшка* [1]),—говорилъ про послѣдняго Сѣверцевъ,—а въ юморѣ Костомарова больше народнаго духа, да и направленъ онъ не на отдѣльныхъ личностей, а больше на среду

[1]) *Колюшка*—маленькая рыбка съ очень колючими плавниками на спинѣ.

или эпоху". Если Н. И. острилъ надъ кѣмъ-нибудь, то надъ самимъ собой, и острилъ очень мило. Передать эти споры и разсказы у меня не хватаетъ таланта. Вообще, мнѣ кажется, разговора нельзя передать письменно во всемъ его значеніи. Въ разговорѣ всегда бываютъ неоконченныя фразы, понимать которыя помогаютъ звуки, оттѣнки голоса, мимика, жесты; бываютъ быстрые переходы, чуть намѣченныя, какъ бы бросаемыя и на лету подхваченныя мысли... Всѣ эти повторенія, отрывочные возгласы, маленькія словечки, кидаемыя тамъ и сямъ, придающія столько жизни рѣчи, пропадаютъ совершенно, когда являются чернымъ на бѣломъ. Можетъ быть, литературныя формы и приблизятся когда-нибудь къ свободѣ разговорной рѣчи, но живое слово останется выше всего, и счастливъ тотъ, кто слышалъ въ жизни столько хорошей живой рѣчи, какъ я.

XVI.

> Не надо „дѣлать добро", надо *быть* добрымъ.
>
> *Торо.*

Несмотря на только-что высказанное мною, я хочу привести здѣсь хоть два-три разсказа Костомарова о себѣ, какъ я записала ихъ содержаніе въ то время, потому что, помимо художественности, которую я не могу передать, они характеризуютъ Н. И. въ его дѣтствѣ и молодости.

„Лѣтъ мнѣ было десять — одиннадцать, — говорилъ онъ, — я былъ въ пансіонѣ въ Москвѣ. Начитался я Вальтеръ-Скотта, да и задумалъ возобновить рыцарскія затѣи и устроивать турниры. Сооружу бумажный панцырь и шлемъ, и выхожу на поединокъ. Тутъ у меня и герольды трубятъ, и перчатку бросаютъ... Былъ у меня товарищъ одинъ, казакъ... Ахъ, еслибы мнѣ пришлось его теперь увидѣть! Мы бы вспомнили, какъ мы съ нимъ на поединокъ выходили и какъ онъ меня тузилъ. Дюжій, широкоплечій, сильный былъ малый. Только я, бывало, приготовлюсь по всѣмъ рыцарскимъ правиламъ занести копье, онъ выхватитъ его, переломитъ объ мою спину, да за чубъ, за чубъ меня, донъ-Кихота!.. Кто меня только не билъ!.. И всегда я самъ задиралъ: вспылю, подскочу... и всегда-то меня побьютъ! Но я никогда не жаловался, за то меня все-таки товарищи любили".

Въ воронежской гимназіи Костомаровъ одному преподавателю на площадное ругательство отвѣтилъ: „Ты самъ . . . ." Другой

учитель-малороссъ, у котораго жилъ Н. И., вернувшись изъ гимназіи, гдѣ узналъ о случившемся, началъ на него кричать: „Что̀ это ты надѣлалъ? А? Вотъ я тебя! Давайте розги!“

„Я выпрыгнулъ изъ окна,—продолжалъ свой разсказъ Костомаровъ,—и убѣжалъ. „Ловите его!“—кричитъ. Я сталъ посреди двора и говорю: „Вы меня не поймаете. Только, если вы хотите сѣчь, такъ я въ рѣчку брошусь, а сѣчь себя не дамъ“. „Ну,—говоритъ учитель,—Николай Ивановичъ, вернитесь, придите, я не буду, не буду.“—„Нѣтъ, говорю, дайте честное слово, а иначе не приду.“—„Даю, даю. Честное слово!“ И сдержалъ его. „Ну, говоритъ, а теперь разсказывай“. Я ему все разсказалъ, какъ было, и онъ потомъ крѣпко за меня стоялъ. Научилъ онъ меня также снести директору голову сахара. Я съ торжествомъ понесъ и, въ простотѣ сердца, втесался со своей головой сахара, да прямо въ гостиную директора, да еще при гостяхъ! Какъ онъ началъ меня пушить: „Мнѣ взятку! Какъ ты смѣлъ, негодный мальчишка?.. Вонъ, сію минуту!..“ Не знаю, какъ я и на улицу выскочилъ! Думаю: пропалъ я совсѣмъ. А за мной горничная бѣжитъ: „Вы, говоритъ, не туда зашли, барину отсюда, съ чернаго крыльца носятъ“.

Слушатели смѣялись. „Чѣмъ же, однако, кончилось?“—спросилъ кто-то. „Когда я пришелъ послѣ этого въ классы, директоръ сказалъ: „Тебя бы слѣдовало исключить, ну, да ты хорошо учишься, оставайся“.

„Было это въ Харьковѣ,—разсказывалъ другой разъ Н. И.,—влюбился я въ одну дѣвушку, она же предпочла мнѣ другого. Я позабылъ и думать о ней, какъ вдругъ узнаю, что этотъ другой бросилъ ее въ несчастьи и нуждѣ. Былъ у меня товарищъ П., добрый малый и большой гуляка. Разсказываю ему. „Что̀-жъ ты, говоритъ, намѣренъ дѣлать?“—„Право, не знаю. Подлость ужасная. Надо бы заставить жениться, но какъ?“—„Неужели ты оставишь такую вещь безнаказанной? — кричитъ П.—Такъ-то ты стоишь за правду?“ Обругалъ меня и говоритъ: „Я возьмусь за это дѣло! Ты, говоритъ, будь спокоенъ: если онъ тебя убьетъ, то и ему съ мѣста не сойти“. Отправился онъ вызывать отъ моего имени того господина и самымъ спокойнымъ образомъ докладываетъ ему: „Если вы застрѣлите Костомарова, то я все равно васъ убью; если же откажетесь отъ дуэли, то мы васъ до смерти заколотимъ, вамъ смерти не миновать, лучше ужъ вы женитесь“. Все это дѣлалось только за идею, такъ какъ П. совсѣмъ не зналъ этой дѣвушки, а для меня она уже давно была донной Эльвирой...

Дуэль, однако, не состоялась, мой противникъ предпочелъ донести губернатору, и я долженъ былъ выѣхать, вслѣдствіе этой исторіи, изъ Харькова".

Николай Ивановичъ много разсказывалъ намъ изъ своей жизни въ Саратовѣ, о своемъ заключеніи въ крѣпости, очень подробно о своемъ арестѣ.

„Надо сказать къ чести Бибикова,—говорилъ Н. И.,—онъ прогналъ того господина, который донесъ на насъ. Когда пришелъ приказъ о нашемъ арестѣ, генералъ-губернатора не было въ Кіевѣ. Вице-губернаторъ былъ со мной очень хорошъ и прислалъ сказать мнѣ, чтобы я немедленно къ нему явился. Это было въ среду на Святой. Тутъ меня точно хотѣла спасти судьба, да не спасла... Я не написалъ одной вещи, о которой меня просилъ вице-губернаторъ, мнѣ поэтому было совѣстно идти къ нему, я рѣшилъ сначала сдѣлать эту работу и весь четвергъ просидѣлъ за ней. Видя, что я не являюсь, онъ въ пятницу утромъ снова послалъ за мной одного моего пріятеля. Не заставъ меня дома, этотъ господинъ пріѣхалъ къ моей хорошей знакомой, начальницѣ пансіона, гдѣ я давалъ прежде уроки, разсказалъ ей, въ чемъ дѣло, и поручилъ извѣстить меня. Она сейчасъ же послала звать меня къ себѣ. Въ обыкновенное время это бы меня поразило, и я бы поѣхалъ немедленно, но надо же, чтобы у меня какъ разъ было дѣло съ одной классной дамой по поводу одного мальчика, котораго я хотѣлъ выкупить; я и вообразилъ, что меня зовутъ по этому дѣлу, и думаю себѣ: лучше я завтра пойду. Черезъ нѣсколько времени приходитъ опять лакей съ тѣмъ, что меня просятъ придти сію минуту по важному дѣлу. Я пошелъ, но, по дорогѣ, зашелъ къ пріятелю и засидѣлся. Прихожу къ г-жѣ *** въ десять часовъ вечера; она меня долго ждала, но должна была уѣхать. Она, однако, поручила дѣвицамъ задержать меня до ея пріѣзда, какъ бы поздно она ни вернулась. Дѣвицы передали мнѣ это, всячески занимали меня, пѣли, играли, но, наконецъ, послѣ одиннадцати часовъ, я распрощался, сказавъ, что зайду завтра. Пришелъ я домой, раздѣлся, легъ. Вдругъ стучатъ. Я отворяю, входитъ NN и говоритъ: „Я пришелъ васъ спасти: черезъ десять минутъ васъ арестуютъ, нѣтъ ли у васъ чего-нибудь запрещеннаго? Бумагъ? Стиховъ Шевченка?"—„Нѣтъ, говорю, ничего нѣтъ". И вдругъ вспомнилъ, что у меня была одна рукопись, которую я еще прежде видѣлъ, что надо ее истребить, и уже разорвалъ пополамъ, да потомъ забылъ въ карманѣ. Я досталъ ее и хотѣлъ сжечь. „Постойте, что̀ это такое?"—сказалъ NN.—„Это то, что̀ я вамъ

читалъ. Да куда же вы это берете? Дайте, я сожгу". Онъ положилъ рукопись себѣ въ карманъ и сказалъ: „Вотъ вамъ рука моя, что никто ничего не узнаетъ, вы только меня не выдайте". Онъ ушелъ. Черезъ нѣсколько минутъ явились жандармы. Зная, что у меня ничего не нашли, я былъ совершенно спокоенъ, и въ кабинетѣ вице-губернатора, куда меня привели, я закурилъ себѣ сигару. Сейчасъ же, въ томъ же кабинетѣ, стали меня допрашивать. „Вы давали Гулаку такую-то рукопись, писанную вами на цвѣтной бумагѣ?" — „Никогда не писалъ и не давалъ". — „Гулакъ донесъ на васъ". — Я зналъ, что Гулакъ неспособенъ это сдѣлать, и что они могли только догадываться объ этой рукописи, и потому рѣшился упорствовать. „Если не писали, то видѣли эту рукопись?" — „И не писалъ, и никогда не видалъ". „Дайте честное слово". Что̀ было дѣлать! Говорю: „Честное слово". — „А еслибъ принести Евангеліе и позвать священника, вы бы поклялись?" — „Зовите попа!" — восклицаю я. Передо мной кладутъ рукопись, писанную моей рукой и только-что взятую у меня NN!!

„Въ тюремномъ замкѣ не было мѣста, — меня отправили на ночь въ какой-то острогъ или часть. Вотъ мерзость тамъ была: ни кровати, ни стула, грязь такая, что ступить нельзя, насѣкомыхъ пропасть! Тутъ у меня были ужасныя минуты, въ особенности когда вошелъ ко мнѣ жандармскій офицеръ и началъ говорить: „Ну, что̀, какъ вамъ здѣсь нравится? Я слышалъ, что завтра былъ назначенъ день вашей свадьбы. Конечно, здѣсь не такъ весело проводить ночь, какъ съ молодой женой! Хе... Хе!.."

— Неужели вы не ударили его? — сказалъ отецъ мой. — Я бы не вытерпѣлъ.

— Нѣтъ, не ударилъ. Къ чему?!

Мы всѣ были потрясены этимъ разсказомъ. Я какъ бы перечувствовала ужасную горечь разочарованія въ человѣкѣ, насчетъ котораго онъ былъ спокоенъ, котораго считалъ другомъ, но тяжелѣе всего была мнѣ мысль о страданіи, испытанномъ Николаемъ Ивановичемъ, когда, въ борьбѣ за свою жизнь и счастье, онъ, такой правдивый, рѣшился солгать — и это оказалось напраснымъ!.. Не вспоминая ли эти страшныя минуты, Н. И. такъ горячо нѣсколько разъ говорилъ мнѣ: „*Что бы изъ этого ни вышло, какія бы послѣдствія это ни имѣло для него, человѣкъ всегда долженъ говорить правду*".

Позднѣе вечеромъ разговоръ вернулся къ той же темѣ.

„У Дуппельта была привычка подтрунивать и говорить мяг-

кимъ голосомъ, называя всѣхъ „мой добрый другъ". На всѣ мои оправданія, онъ отвѣчалъ: „Нѣтъ, мой добрый другъ, вы меня, стараго воробья, не поймаете. Это все поэзія, мой добрый другъ, а вы у меня въ крѣпости все-таки посидите".

„Черезъ годъ меня выпустили изъ крѣпости и привезли въ третье-отдѣленіе. Я тутъ еще какую штуку удралъ: меня привели и оставили въ комнатѣ одного. Я вижу — окна отворены, солнце свѣтитъ, двери открыты, жандармовъ нѣтъ... Я взялъ шапку и вышелъ на улицу; мало того, что вышелъ,— такъ обрадовался, что вырвался на волю, что отправился себѣ гулять на Невскій и купилъ какую-то зрительную трубу, не знаю ужъ, зачѣмъ. Прихожу назадъ, жандармскій офицеръ—въ ужасѣ: „Что вы сдѣлали! Намъ теперь достанется!" — „Вы мнѣ не сказали, что нельзя выходить, почемъ же я зналъ".— „Конечно, это мы сами виноваты". И тотчасъ же солдатъ поставили. Меня продержали въ этой комнатѣ четырнадцать дней, но все-таки окно было отворено и все-таки не подъ желѣзными замками. Наконецъ, мнѣ сказали, чтобы я написалъ, въ какомъ городѣ я желаю жить, это предоставлено моему выбору. Я написалъ, что желаю въ Крымъ, чтобы лечиться морскими ваннами. Отвѣтъ пришелъ, что въ Крымъ нельзя, тамъ поэзіи слишкомъ много. Такъ и стояло въ бумагѣ, что „*поэзіи слишкомъ много*". Были предоставлены на выборъ только нѣсколько городовъ, изъ которыхъ я выбралъ Саратовъ. Сейчасъ же меня и отправили"... „Дорогой вотъ какой былъ случай,—продолжалъ Н. И.:—мы съ жандармскимъ офицеромъ были немного навеселѣ; онъ легъ отдохнуть, а я воспользовался этимъ и, выйдя на улицу, началъ разсказывать какому-то торговцу о бывшемъ величіи Новгорода, и совсѣмъ увлекся, какъ вдругъ кто-то меня за руку! Смотрю: жандармскій офицеръ. „Это вы, говоритъ, что дѣлаете? Да я васъ сейчасъ обратно въ третье-отдѣленіе свезу!" Однако, эту угрозу не исполнилъ, а когда пріѣхали въ Саратовъ, онъ, объявивъ мнѣ, что я свободенъ, прибавилъ: „Теперь можете при мнѣ говорить, что вамъ угодно".

О своей бывшей невѣстѣ Н. И. упомянулъ только одинъ разъ. Это было весной; мы возвращались въ коляскѣ съ Острововъ; пахнувшая тепломъ сѣверная весна, только-что слышанныя пѣсни соловьевъ, таинственный полусвѣтъ петербургской ночи, все это привело насъ въ мягкое, меланхолическое настроеніе, и я рѣшилась сдѣлать вопросъ, давно бывшій у меня на умѣ.

— Вы видѣли потомъ когда-нибудь вашу невѣсту?

„— Никогда. Я слышалъ, что она вышла замужъ, но не знаю, за кого, и не знаю, жива ли она.

— Какъ она могла выйти за другого!—воскликнула я съ негодованіемъ.

„— Она не виновата. Обстоятельства заставили. Она терпѣла, сколько только могла. Эта была ангелъ, а не дѣвушка...

— Она была хорошенькая? Талантливая?

„— Хорошенькая. Восхитительные глаза. Необыкновенно талантливая, умная дѣвушка... Чудная была дѣвушка...

— Она, я увѣрена, все время любила васъ, а вы?

„— И я все время любилъ ее“.

Мы молчали до самаго дома. Я видѣла на лицѣ Н. И. частое подергиваніе верхней губы (этотъ тикъ сдѣлался у него въ крѣпости и являлся при всякомъ душевномъ волненіи), и я никогда болѣе не заговаривала объ этомъ предметѣ. Мнѣ особенно нравилось, если Н. И. приходилъ къ намъ, когда мы были одни. Вмѣсто того, чтобы во всѣ уши слушать научные разговоры, я тогда сама вступала въ бесѣду съ нимъ и спрашивала обо многихъ, интересовавшихъ меня, вопросахъ жизни. Часто вспоминаю я, выхваченныя изъ разныхъ разговоровъ, слова его, сдѣлавшія на меня сильное впечатлѣніе.

По поводу смерти Я. И. Ростовцева, мама̀ моя осуждала его за декабристовъ и не считала достаточнымъ искупленіемъ его дѣятельность по крестьянскому вопросу, но прибавила: „Впрочемъ, de mortuis aut nihil, aut bene“. Н. И. возразилъ: „По моему, только послѣ смерти и наступаетъ время суда; *при жизни* не слѣдуетъ дурно говорить о человѣкѣ, потому что онъ можетъ еще исправиться“. Послѣ только-что вышедшаго „Наканунѣ“, Н. И. воскликнулъ: „Я бы никогда не поступилъ, какъ Инсаровъ. Какъ рѣшиться подвергать опасностямъ дѣвушку! Я бы уѣхалъ, пропалъ такъ, чтобъ она не узнала, гдѣ я, и пускай бы она обвиняла меня“.

„— Никогда не испытывалъ я бо̀льшаго наслажденія,—сказалъ разъ Н. И.,—какъ когда я объяснялъ мужикамъ солнечную систему“.

— Почему всѣ великіе люди несчастны? — спросила я какъ-то.

„— Оттого, вѣроятно,—отвѣчалъ онъ,—что ихъ требованія высоки, они стремятся къ лучшему, имъ труднѣе переносить мелочи жизни... Они не удовлетворяются земной жизнью“... Много разъ говорилъ Костомаровъ, что „истинный ученый непремѣнно долженъ быть и поэтомъ. Ученый *не*-поэтъ можетъ принести

пользу, какъ собиратель матеріала,—только поэтъ можетъ быть творцомъ и въ наукѣ“.

По временамъ Н. И. разсказывалъ мнѣ съ сестрой о жизни древнихъ народовъ, и, подъ вліяніемъ этихъ разсказовъ, памятники искусства, народная поэзія, сказки пріобрѣтали въ моихъ глазахъ иное значеніе, чѣмъ прежде; я поняла, что исторія, это—сказаніе о душѣ народа, и что изъ знанія прошедшаго можно создавать будущее или, по крайней мѣрѣ, воздѣйствовать на него.

Костомаровъ такъ умѣлъ поставить себя наравнѣ съ людьми менѣе его развитыми, что я скоро привыкла обращаться съ нимъ совсѣмъ запросто: упрекала его за недостатки, которые находила въ немъ, спорила съ нимъ. Онъ или серьезно оправдывался, разъясняя мнѣ, чего я не понимала, или, съ любовной улыбкой, объявлялъ себя побѣжденнымъ внезапными нелогичностями или шутками, которыми я выворачивалась, когда не находила больше доводовъ. Я дошла до того, что при Н. И. стала давать волю находившему на меня настроенію недовольства собой: „Я сама не знаю, чего хочу,—жаловалась я:—и наукой хотѣла бы заниматься, и искусствомъ, а между тѣмъ ровно ничего не дѣлаю. Иногда мнѣ кажется, что искусство не удовлетворитъ меня, а иногда—что я рождена быть художникомъ... Когда я вижу дивную картину природы, мнѣ хотѣлось бы пересоздать ее, чтобъ она осталась вѣчною; такъ бы хотѣлось уловить, остановить жизнь, втиснуть ее въ раму съ тѣмъ же движеніемъ, но чтобъ оно не прошло... Хочется эту красоту взять, втянуть, вдохнуть, впитать въ себя... Я не знаю, не умѣю сказать... Никогда, никогда искусству не сдѣлать этого, а между тѣмъ отчего же такъ хочется попробовать?.. И вдругъ у меня являются другія фантазіи, напримѣръ воскресныя школы, это тоже такъ хорошо!.. И всякія еще разныя фантазіи... И все это меня такъ ужасно мучаетъ!“

„— Это—избытокъ жизни,—отвѣчалъ Н. И.—Когда этого больше не будетъ, какъ вы будете жалѣть объ этомъ тревожномъ времени, какъ прекрасно оно вамъ покажется! И я это въ молодости перечувствовалъ, также хотѣлъ упиться природой, любилъ ее *до страданія*. Потомъ, когда это время пережито, пріятно и грустно бываетъ вспоминать о немъ“...

Я сознавала, что мученія и радости мои—еще дѣтскія, незрѣлыя, и меня трогало, что Н. И. не свысока смотрѣлъ на нихъ, а принималъ въ нихъ живое участіе; мысль, что онъ въ моло-

дости пережилъ то, что̀ и я чувствовала, приближала меня къ нему.

Иногда Н. И. присоединялся къ нашимъ играмъ и болтовнѣ. Разъ, вечеромъ, мы засадили его и Сѣверцева играть въ карты, въ „короли", ловили Костомарова въ разсѣянности, выдумывали ему самыя неудобоисполнимыя наказанія, острили напропалу́ю, а онъ смѣялся своимъ заразительнымъ, дѣтскимъ смѣхомъ. Одинъ вечеръ мы просидѣли съ нимъ и моей сестрой втроемъ, сочиняя балетъ „Искушеніе св. Исаакія", гдѣ на сценѣ должны были являться бѣсы, „въ видѣ женъ, зѣло испещренныхъ", придумывали декораціи, костюмы, выбирали изъ разныхъ оперъ подходящую музыку.

Съ разработываемою въ данное время въ его лекціяхъ или сочиненіяхъ эпохою Н. И. такъ сживался, что дѣйствующія лица этой эпохи дѣлались для него какъ бы живыми существами, и онъ часто, шутя, воображалъ ихъ въ современной жизни; разсказывая о какомъ-нибудь удѣльномъ князѣ, онъ вдругъ, перебивая себя, спрашивалъ: „А какъ вы думаете, какъ бы онъ поступилъ, еслибъ его сдѣлали директоромъ банка или инспекторомъ Смольнаго монастыря?"—Это опять давало поводъ къ остротамъ и смѣху.

Въ эту зиму была очередь бѣсовъ; эти шаловливыя созданья сдѣлались у насъ очень популярными. Я высказывала симпатію къ нѣкоему бѣсу Зефеусу, котораго спеціальность была „творить пакости мнихамъ", а за неимѣніемъ оныхъ—ученымъ. Сѣверцевъ говорилъ, что я сама и есть этотъ бѣсъ; я отклоняла такую честь, но признавала Зефеуса моимъ другомъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ сотворилъ Н. И. „пакость" тѣмъ, что, возбудивъ театральную дирекцію отмѣнить представленіе „Донъ-Жуана" Моцарта, на которое у Костомарова былъ билетъ, доставилъ мнѣ удовольствіе провести неожиданно этотъ вечеръ съ Н. И. Я, дѣйствительно, проявила нѣкоторое сходство съ бѣсомъ, когда, въ концѣ вечера, вдругъ сказала:—А что̀, если все-таки давали сегодня „Донъ-Жуана"?

— Ну, это была бы архипакость!—съ жаромъ воскликнулъ Н. И.—Какъ! у меня билетъ въ карманѣ, а я „Don-Giovanni" пропустилъ!.. Знаете что̀? Если мнѣ завтра скажутъ, что сегодня шелъ „Донъ-Жуанъ", я захвораю! Ей-Богу, захвораю!—Онъ говорилъ это съ такимъ убѣжденіемъ, что можно было подумать, что это серьезно.

Мы очень часто бывали въ театрахъ и концертахъ съ Н. И. Въ „Жизнь за царя" мы должны были ѣздить при особой об-

становкѣ: мы должны были брать литерную ложу, въ антрактахъ пить венгерское и танцовать мазурку. Всѣ впечатлѣнія спектаклей и мелкихъ событій ежедневной жизни передавались на древнерусскомъ языкѣ, и вездѣ играли роль бѣсы. Напримѣръ: „Во едину изъ средъ,—разсказывалъ, входя, Костомаровъ,—пріиде ко мнѣ бѣсъ лукавый, во образѣ знаемаго моего N., и глагола: „Хощеши, брате, стяжаніе веліе имати? Возьми акціи саратовской желѣзной дороги". Азъ же, по незлобію и добросердечію своему, поидохъ и взяхъ акціи сіи. Протекшимъ же дванадесяти седмицамъ, услышахъ, яко акціи сіи упадоша въ цѣнѣ. И грядохъ азъ къ знаемому моему и рекохъ ему: „почто, брате, обманулъ мя еси?" И отречесе, и рече: „не вѣмъ, что̀ глаголеши". И азъ прозрѣхъ и уразумѣхъ, яко се бѣсъ бѣ во образѣ человѣческомъ, иже пріидохъ искусити мя. И абіе пріиде бѣсъ, во образѣ знаемаго моего, и рече ми: „веліе ли, брате, стяжаніе имаши?" Азъ же, прозрѣвый, рекъ ему: „вѣмъ, кто еси". И отвѣща, глаголя: „во истину есмь бѣсъ Зефеусъ, ненавидяй добро и родъ человѣческій, паче же премудрости твоея ради, пріидохъ пакости ти творити".

Николай Ивановичъ давно обѣщалъ намъ показать, какъ дѣлаютъ настоящіе вареники. Вотъ, однажды, прямо изъ университета, онъ отправился въ кухню, подпоясался передникомъ, сталъ на табуретку, прочелъ намъ комическую лекцію о происхожденіи и значеніи варениковъ и приступилъ къ дѣлу,—но о дальнѣйшемъ приходится привести его собственныя слова, въ которыхъ онъ позже, за столомъ, передалъ это событіе: „Бѣ мужъ нѣкій, имя же ему Никола, и восхотѣ онъ, гордости своея ради, яство, вареники нарицаемое, сотворити. И, взявъ муки гречневыя, сотвори брашно и, вложивъ въ оное творогу и посыпавъ солью, ввергну въ окропъ. И возсѣдоша домочадцы и присные его за трапезу, и подану сущу яству сему, и—никто же не може ясти!.. И уразумѣхъ мужъ сей, яко се бѣсъ лукавый, ненавидяй добра и рода человѣческаго, соврати его. *И отъиде посрамленъ*!"—Удивительный, иронически-добродушный оттѣнокъ голоса придавалъ онъ всѣмъ этимъ анекдотамъ.

Въ этотъ счастливый годъ общественная жизнь широко развернулась: конца не было лекціямъ, публичнымъ чтеніямъ, литературно-музыкальнымъ вечерамъ; мы съ Н. И. ихъ усердно посѣщали. Изъ литераторовъ лучше всѣхъ читали Тургеневъ, Писемскій и А. Потѣхинъ. Общее мнѣніе было, что Некрасовъ плохо читаетъ, на меня же онъ произвелъ сильное впечатлѣніе;

у него былъ очень сиплый, слабый органъ, но онъ читалъ съ глубокимъ чувствомъ, съ тоской въ голосѣ.

Между прочимъ, и нашъ другъ Сѣверцевъ прочелъ въ университетѣ двѣ лекціи о теоріи Ламарка; онъ тогда былъ противъ этой теоріи, впослѣдствіи же сдѣлался дарвинистомъ и ѣздилъ въ Англію нарочно, чтобы повидаться съ Дарвиномъ. Лекціи были интересны, полны эрудиціи, но слишкомъ растянуты, такъ что крайне утомили слушателей; Сѣверцевъ лучше говорилъ въ обыкновенное время, безъ приготовленія. Въ пользу общества литературы давались очень интересные спектакли съ участіемъ нашихъ литераторовъ. Съ нетерпѣніемъ ожидала я увидѣть Писемскаго въ роли городничаго, но разочаровалась; впрочемъ, послѣ Щепкина могъ ли кто нравиться въ этой роли! [1]) Превосходно сыграна была роль Осипа студентомъ Лovягинымъ; г-жа Кони была неподражаема городничихой. Тургеневъ, Гончаровъ, Майковъ, Курочкинъ вышли на сцену въ видѣ купцовъ съ головами сахара и кульками,—Тургеневъ былъ особенно типиченъ,—и вся публика, повстававъ съ мѣстъ, загремѣла рукоплесканіями и долго не могла успокоиться. Въ этихъ спектакляхъ я видѣла Вѣру Самойлову, по мужу Мичурину, въ „Провинціалкѣ“ и сценѣ Татьяны съ Онѣгинымъ. Это была великая артистка, тонкій художникъ: глубокое пониманіе драматическихъ моментовъ, безъ малѣйшей утрировки, показывало рѣдкій художественный тактъ; ея грація, изящныя манеры, необыкновенное благородство игры просто плѣняли. Я негодовала, что она, по желанію мужа, покинула сцену.

Наслаждались мы гастролями Шумскаго. Щепкинъ пріѣзжалъ и безпрерывно бывалъ у насъ. Щепкинъ одинаково хорошо и игралъ, и читалъ. Разсказъ охотника и монологъ „Скупого Рыцаря“ были выше всего, что мнѣ удалось слышать въ жизни. Этотъ маленькій, толстенькій человѣкъ, безъ всякаго грима, преображался, уносилъ васъ въ глубь среднихъ вѣковъ, заставлялъ негодовать и сострадать. Я видѣла не такъ давно Росси въ этой роли, и онъ казался мальчишкой передъ Щепкинымъ.

Костомаровъ у насъ часто читалъ—очень хорошо и своеобразно—драматическія и бытовыя вещи: такъ же, какъ въ своихъ разсказахъ, онъ каждому лицу придавалъ свой особенный, характеризующій его оттѣнокъ; въ общемъ казалось, что онъ не читаетъ, а разсказываетъ. Восхитительно читалъ онъ сцену въ корчмѣ изъ „Бориса Годунова“.

---

[1]) Въ роли Подколесина Писемскій былъ превосходенъ.

XVII.

Il est donné à beaucoup d'hommes d'enrichir la science de faits nouveaux, à quelques-uns d'y créer des théories nouvelles, à un bien petit nombre d'y introduire un esprit nouveau.

Isidore Geoffroy Saint-Hilaire.

Между нашими знакомыми былъ одинъ молодой литераторъ Тихменевъ; оказалось, Костомаровъ зналъ его въ Саратовѣ и часто магнитизировалъ его. Н. И. очень увлекался магнитизмомъ и говорилъ, что онъ будетъ со временемъ разработанъ, принесетъ много пользы наукѣ и, можетъ быть, откроетъ намъ многія тайны. Костомарову захотѣлось возобновить сеансы; они устроились у насъ и продолжались почти всю зиму.

Когда „магнитизмъ" былъ переименованъ въ „гипнотизмъ" и признанъ наукой, вся таинственность его пропала и проявленія его стали казаться дѣломъ простымъ, но въ то время и въ мои годы сеансы эти сильно возбуждали мое воображеніе.

Усыплялъ Костомаровъ большею частью магнитическими пассами, иногда освѣщеннымъ зеркаломъ; одинъ разъ Тихменевъ впалъ въ гипнотическій сонъ самъ собой; чтобы разбудить, Костомаровъ тоже дѣлалъ нѣкоторые пассы и дулъ въ лицо, но былъ случай, когда онъ никакими усиліями не могъ разбудить своего паціента, наконецъ спросилъ его: „Что̀ сдѣлать, чтобы разбудить тебя?" —„Положить ключъ въ руку",—отвѣчалъ Тихменевъ; когда это было исполнено, онъ тотчасъ же проснулся.

Слабый и тщедушный, Тихменевъ въ гипнотическомъ снѣ помахивалъ гирями, которыя не могъ поднять во время бдѣнія; его можно было колоть булавкой безъ всякаго реагированія съ его стороны; съ нимъ дѣлалось состояніе каталепсіи; онъ доходилъ почти до ясновидѣнія: одинъ разъ разобралъ, хотя и съ большимъ трудомъ, нѣсколько словъ изъ положенной ему подъ голову книги; другой разъ сказалъ, что не съ той стороны открываютъ часы, которыхъ онъ не могъ видѣть. Удивительно хорошо удавалось внушеніе на разстояніи. Костомаровъ находился въ четвертой комнатѣ, отдѣленный отъ своего паціента тремя запертыми дверями, и ни разу не случилось, чтобъ Тихменевъ не исполнилъ внушаемаго, хотя бывали вещи довольно сложныя. Обыкновенно часть присутствующихъ, находившаяся съ Костомаровымъ, выдумывала, что̀ требовалось исполнить, а часть, остав-

шаяся съ паціентомъ, потомъ разсказывала, что послѣдній въ это время дѣлалъ. Во все время сеанса Тихменевъ, казалось, видѣлъ только одного Костомарова или того, съ кѣмъ онъ его приводилъ въ соприкосновеніе. Разъ магнитизеръ заставилъ его разсказать сцену убійства его, Костомарова, отца; съ Тихменевымъ при этомъ сдѣлались судороги и корчи; конечно, Костомаровъ ничего подобнаго больше не повторялъ, но страшные образы стали являться загипнотизированному сами собой; тогда Костомаровъ тотчасъ же будилъ его. Иногда усыпленный качался, стоя, не сгибая ни одного члена, или падалъ, не сгибая колѣнъ, во весь ростъ, но, проснувшись, не чувствовалъ никакой боли. Я съ ужасомъ описывала всѣ подробности сеансовъ въ моемъ дневникѣ: „Какое страшное впечатлѣніе,—писала я, между прочимъ,—когда видишь передъ собой человѣка, стоящаго безъ движенья, въ томъ положеніи, въ которомъ засталъ его сонъ, и какъ вдругъ эта безжизненная статуя начинаетъ машинально двигаться по волѣ другого человѣка!“.—„Мнѣ бываетъ страшно, особенно когда Тихменевъ видитъ меня, какъ вчера, когда Костомаровъ заставилъ меня что-то спросить у него, и онъ потомъ все слѣдилъ за мной глазами. Я, наконецъ, убѣжала“. Магнитическіе сеансы меня, сначала, сильно занимали, но скоро я начала сердиться на нихъ, такъ какъ они отвлекали Костомарова отъ тѣхъ бесѣдъ, которыя были высшимъ наслажденіемъ для меня.

Новый годъ встрѣчали у насъ. Гостей почти никого не было, и мы особенно уютно и пріятно провели время. Помню, что Шевченко, какъ мы называли, „немножко подкутилъ“; тогда онъ бывалъ очень оживленъ и непремѣнно начиналъ какой-нибудь споръ съ Н. И. Я приходила въ восторгъ отъ этихъ споровъ: безконечное спокойствіе одного и горячность другого составляли контрастъ въ высшей степени комичный. Шевченко вскакивалъ, бѣгалъ по комнатѣ, а Костомаровъ совершенно спокойно говорилъ: „Нѣтъ, ты постой! Скажи, откуда ты это берешь? Изъ какихъ источниковъ? Ты, Тарасъ, чепуху несешь, а я тебѣ говорю вещи, доказанныя въ тѣхъ же книгахъ, изъ которыхъ ты только и могъ черпать“.—„Да Боже-жъ мій милый! Що мені зъ твоихъ источниківъ!.. Брешешь ты, та и годі“!

Такіе близкіе были они люди, что про нихъ именно можно было сказать: милые бранятся, только тѣшатся. Разъ какъ-то разсказывалъ намъ Тарасъ Григорьевичъ: „Прихожу я вчера къ Костомарову, онъ мнѣ самъ отворяетъ: „Чортъ, говоритъ, тебя принесъ мнѣ мѣшать заниматься!“—„Да мнѣ, отвѣчаю, пожалуй,

тебя и не надо. Я и не къ тебѣ пришелъ совсѣмъ. Къ твоему Хомѣ пришелъ, хочу поклонъ твоей матери послать, мнѣ до тебя и дѣла нѣтъ". И что же? Послѣ этакой встрѣчи, мы съ нимъ просидѣли до ночи: я уходить хочу, а онъ не пускаетъ".

Этотъ Ѳома былъ давнишній слуга Н. И., обожалъ его и ходилъ за нимъ, какъ нянька; мы его величали и вѣрнымъ Личардо, и Лепорелло, хотя толстый и добродушный хохолъ такъ же мало походилъ на юркаго испанца, какъ его хозяинъ на донъ-Жуана.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, Н. И. помѣстился въ гостинницѣ, рядомъ съ Публичной Библіотекой. Близость ресторана была неудобна, и мы много разъ ѣздили съ Н. И. искать ему квартиру, но онъ не рѣшался переѣхать дальше отъ Библіотеки и разстаться со своей „гусарской квартирой", какъ мы ее называли. Больше всего раздражалъ Костомарова органъ, постоянно гудѣвшій у него за стѣной. Иногда поздно вечеромъ прилеталъ онъ къ намъ съ возгласомъ: „Не могу, не могу больше!"

— „La donna è mobile"?

„— Съ утра жарятъ!!"

Какіе хорошіе, веселые вечера проводили мы въ этой достопамятной „гусарской квартирѣ"!

А наши путешествія въ кондитерскую Mezzapelli на Морской! Туда непремѣнно брали съ собой „Тобиньку", тоже получавшаго свою порцію шоколада и бисквитъ. Тоби былъ мой не совсѣмъ чистокровный кингъ-чарльсъ, нашъ съ Н. И. большой пріятель. Костомаровъ не очень-то любилъ собакъ, но Тоби былъ, въ его глазахъ, созданьемъ особеннымъ въ животномъ мірѣ, обладающимъ чуть-чуть что не человѣческимъ умомъ. Эта симпатія была вполнѣ взаимной: Тоби чуялъ приближеніе Н. И. и задолго до его звонка уже сидѣлъ и пищалъ отъ радости у входной двери.

Заходили мы къ Н. И. и въ Публичную Библіотеку; онъ показывалъ намъ интересныя книги и рукописи, объясненія его стоили цѣлыхъ лекцій. Въ Библіотеку въ то время ходила дѣвушка, одѣтая въ ситцевое платье и головной платокъ; она каждый день занималась тамъ чтеніемъ нѣмецкихъ, французскихъ и англійскихъ книгъ. „Она разъ меня испугала,—разсказывалъ Н. И.,—подкралась такъ тихо и попросила чернилъ. Она застѣнчиво объяснила, что самоучкой выучилась языкамъ, да не на что купить книгъ, а у нея страсть заниматься, вотъ она и ходитъ въ Библіотеку. Меня заинтересовало. Я спросилъ сторожа, кто она такая? „Да это моя дочь,—отвѣчалъ онъ:—она

ходитъ только въ свободное время, а то она матери стирать помогаетъ; и ваше бѣлье стираетъ".

По поводу этой дѣвушки, Н. И. передалъ исторію одного погибшаго таланта. Деревенскій мальчикъ пасъ стадо и рисовалъ углемъ на стѣнѣ мельницы; помѣщикъ, увидя это, отдалъ его въ ученье къ маляру. Выростая, мальчикъ сталъ показывать удивительную способность къ математикѣ и любовь къ естествознанію. Н. И. давалъ ему книги и, уѣзжая изъ тѣхъ мѣстъ, подарилъ курсъ математики, астрономіи и нѣсколько другихъ вещей. Когда Костомаровъ возвратился, молодой мужикъ зналъ всѣ эти книги наизусть. Знакомый Н. И. математикъ проэкзаменовалъ его: онъ рѣшалъ самыя трудныя задачи. Онъ просилъ выучить его французскому языку, говоря: „Я вижу, что на этомъ языкѣ больше ученыхъ книгъ есть, русскихъ очень мало. Я бы сталъ больше работать и могъ бы покупать книги". Костомаровъ хотѣлъ выкупить парня на волю, но помѣщикъ запросилъ слишкомъ дорого. Н. И. сталъ устраивать подписку, а въ это время помѣщикъ взялъ да женилъ математика насильно на какой-то дурѣ! Такъ онъ и пропалъ.

Тяжело ложились на мою душу такіе разсказы, а ихъ тогда приходилось часто слышать. „Зачѣмъ же всеблагій и всемогущій Богъ допускаетъ такія несправедливости?!"—съ негодованіемъ думала я... Сейчасъ же, однако, приходила благая, упоительная мысль о скоромъ освобожденіи: „Скоро всѣ они будутъ людьми, и отъ нихъ самихъ будетъ зависѣть ихъ судьба". Разное шипѣнье крѣпостниковъ въ комитетахъ по временамъ смущало насъ, а когда, послѣ смерти Ростовцева, его мѣсто занялъ Панинъ, отецъ мой воскликнулъ: „Ну, теперь все пропало!"—Надо сказать, что этотъ страхъ относился преимущественно къ формамъ, какія приметъ эмансипація, а не къ самому освобожденію, которое, мы твердо были увѣрены, ничто уже не могло задержать.

По поводу теоріи Костомарова о происхожденіи варяговъ, шли въ обществѣ и въ литературѣ большіе споры. Главнымъ противникомъ Костомарова въ этомъ вопросѣ былъ М. П. Погодинъ. Между ними завязалась переписка, и Погодинъ предложилъ публичный диспутъ. Чернышевскій одинъ совѣтовалъ не принимать этого вызова, но всѣ другіе говорили, что отказъ Погодинъ приметъ за трусость,—всѣ толкали Костомарова на это. Теперь мнѣ кажется нѣсколько комичнымъ этотъ диспутъ, но не такимъ былъ онъ для насъ,—мы относились къ нему серьезно и страстно. Намъ, собственно, не было никакого дѣла

до варяговъ: теорія происхожденія ихъ изъ Жмуди была намъ близка отчасти по патріотическому чувству, но, главнымъ образомъ, какъ представительница направленія молодого, стремящагося къ свободѣ и движенію впередъ въ наукѣ, въ противоположность косности и рутинѣ, и Жмудь стала нашимъ лозунгомъ, нашимъ знаменемъ!

Насталъ съ волненіемъ ожидаемый нами день 19-го февраля. Большая зала университета была биткомъ набита: сидѣли по двое на одномъ стулѣ (мы сидѣли—мать, отецъ и я—на двухъ), сидѣли на колѣняхъ другъ у друга, на окнахъ, на полу; гдѣ, казалось, нельзя и яблоку упасть, тамъ еще помѣщались люди. Жара была такая, что въ банѣ показалось бы прохладно. Еще жарче было у насъ, молодежи, въ груди... Надъ трепетной и пылающей толпой возвышались посреди залы другъ противъ друга двѣ каѳедры... Погодинъ началъ фразами благодарности къ публикѣ, почтившей и пр. Ему поапплодировали, онъ поблагодарилъ и за это, и приступилъ къ разбору статьи Костомарова „О началѣ Руси", напечатанной, какъ онъ выразился, „въ какомъ-то петербургскомъ журналѣ". Начало не предвѣщало ничего хорошаго, и его небрежный тонъ покоробилъ публику; чѣмъ больше онъ говорилъ, тѣмъ это чувство оскорбленія дѣлалось сильнѣе: онъ велъ пренія въ шуточномъ тонѣ, стараясь сдѣлать Костомарова смѣшнымъ, а себя оградить отъ этого ироніей.

Мы ждали чего-нибудь серьезнаго; мы въ душѣ боялись Погодина, думая, что онъ приготовилъ какія-нибудь новыя, вѣскія доказательства,—вмѣсто того являлось какое-то издѣвательство, которое возъимѣло на слушателей обратное ожидаемому Погодинымъ дѣйствіе; даже приверженцы норманнской теоріи были недовольны имъ, публика же явно чувствовала болѣе симпатіи къ простой и благородной манерѣ держать себя Костомарова. Разъ согласившись на этотъ диспутъ, онъ отнесся къ нему серьезно. Когда Костомаровъ всталъ, раздался такой апплодисментъ, такой крикъ, что долго не могли его прекратить; тщетно раздавалось: „довольно! по мѣстамъ!"—все гудѣло и ревѣло. Наконецъ Костомаровъ могъ начать говорить. Его вступительная рѣчь была коротка, ясна, безъ всякихъ фразъ. Дальнѣйшія пренія, къ сожалѣнію, часто прерывались шумными заявленіями сочувствія или порицанія публики. Погодинъ начиналъ все болѣе горячиться; Костомаровъ, по своему обыкновенію, спокойно выслушивалъ, отвѣчалъ довольно ѣдко, но избѣгалъ затрогивать личность, какъ иногда не совсѣмъ красиво дѣлалъ Погодинъ.

Михаилъ Петровичъ подъ-конецъ усталъ и уже совсѣмъ шутя сказалъ: „Уступите мнѣ хоть то, что норманны были каплей вина въ славянскомъ стаканѣ; она все-таки, какъ ни мала, а весь стаканъ окраситъ“.—„Капля вина не окраситъ славянское море“,—отвѣчалъ Костомаровъ.—„Уступите же хоть эту каплю, у меня гомеопатическія требованія“.—„Я не вѣрю въ гомеопатію“,—отвѣчалъ Н. И., улыбаясь, и прибавилъ болѣе серьезно, но съ нѣкоторой ироніей: „Однако, гдѣ же ваша тяжелая артиллерія, которую вы обѣщались сегодня выдвинуть противъ меня? Я готовъ выдержать ея атаку“. Погодинъ, вмѣсто отвѣта, началъ говорить о своихъ двадцатилѣтнихъ трудахъ и о томъ, что надо внушать молодому поколѣнію уваженіе къ авторитетамъ. Въ залѣ загудѣло негодованіе, но Костомаровъ спокойно отвѣтилъ: „Безъ всякаго сомнѣнія, слѣдуетъ *уважать* авторитеты, но только бездарность *поклоняется* имъ. Я привыкъ вполнѣ уважать вашу двадцатилѣтнюю научную дѣятельность, но я презиралъ бы себя, да и вы имѣли бы право не уважать меня, еслибы я, убоясь вашего авторитета, не сталъ бы стараться открывать новые пути въ наукѣ“. Тутъ я думала, что зала рухнетъ отъ рукоплесканій.

Кончили споръ, какъ большинство споровъ, тѣмъ, что всякій остался при своемъ: Погодинъ сказалъ, что не можетъ отступить отъ своего мнѣнія, потому что это было бы неискренно, а Костомаровъ — что не выступитъ изъ Жмуди, пока ему не представятъ болѣе убѣдительныхъ историческихъ доказательствъ. Сквозь страшный шумъ, поднятый публикой, слышенъ былъ возгласъ Погодина: „Да здравствуетъ Русь, отъ кого бы она ни происходила!“—Соперники, сойдя съ каѳедръ, облобызались; обоихъ вынесли на рукахъ, но сочувствіе публики было явно на сторонѣ Костомарова, и молодежь торжествовала его побѣду.

Ка̀къ студенты любили и понимали Костомарова—показываетъ то обстоятельство, что они, до диспута, уговорились-было освистать Погодина, но потомъ рѣшили этого не дѣлать, такъ какъ это было бы непріятно Николаю Ивановичу. Своимъ стараніемъ быть безпристрастными студенты хотѣли доказать преданность своему профессору, и, демонстративно апплодируя Погодину, они заглядывали въ лицо Костомарову, желая увидѣть, доволенъ ли онъ ими. На лекціи передъ диспутомъ, я выразила опасенія, что Погодинъ сдѣлалъ какое-нибудь новое открытіе и внезапно представитъ его. „Такъ что же?—отвѣчали студенты,—тѣмъ лучше для науки. Костомаровъ первый будетъ радъ этому“.

Послѣ диспута, Н. И. поѣхалъ къ намъ. Собрались наши

и его друзья, пили шампанское за его здоровье, произносили рѣчи, Сѣверцевъ прочелъ посвященное ему стихотвореніе. Костомаровъ былъ что-то мраченъ и неразговорчивъ. „Отчего вы не сочувствуете сочувствію?"—спросила мама̀.—„Какъ это?"—„Не радуетесь сочувствію публики".—„Это было бы не совсѣмъ скромно съ моей стороны, да и публика можетъ быть пристрастной".

На другой день всѣ опять у насъ обѣдали, и Сѣверцевъ прочелъ написанную имъ статью о вчерашнемъ диспутѣ, гдѣ онъ сравнивалъ его съ знаменитымъ диспутомъ Кювье съ Жоффруа Сентъ-Илеромъ. Статья всѣмъ очень понравилась.—Знаете, что̀ пришло мнѣ въ голову?—сказалъ Н. И., обращаясь ко мнѣ.

— Что̀?

— Умереть.

— Почему?

— Потому что отъ меня слишкомъ многаго ожидаютъ. Я могу обмануть возлагаемыя на меня слишкомъ большія надежды, не буду въ силахъ довершить то, что̀ началъ...

— Вы дали большой толчокъ наукѣ,—сказалъ Сѣверцевъ,—довольно и этого. Вы открыли широкую дорогу исторіи, какъ Жоффруа Сентъ-Илеръ—зоологіи. Прежде думали, что наука дальше предѣловъ, поставленныхъ Кювье, идти не можетъ, что въ ней уже все знаютъ, а Сентъ-Илеръ доказалъ, что еще очень мало въ ней открыто; вотъ такъ и вы.

Подъ конецъ вечера Н. И. разошелся и разсказывалъ, какъ приверженцы норманнской теоріи даже названіе одного воеводы „Волчій хвостъ" производятъ отъ норманнскихъ словъ.

Съ диспутомъ не кончился споръ, напротивъ,—страсти разгорѣлись и пошла полемика въ журналахъ. Изъ нашихъ знакомыхъ были тоже противники Костомарова: это была компанія Глинокъ, Греча и проч. Имъ тоже было мало дѣла до варяговъ, но они съ беззубою ненавистью накидывались на все свѣжее и молодое. Погодинъ никакъ не могъ успокоиться и продолжалъ громить и задирать Костомарова, какъ печатно, такъ и въ частныхъ письмахъ. Въ одномъ изъ послѣднихъ онъ жаловался, что диспутъ плохо подѣйствовалъ на его здоровье: „Говорятъ,—писалъ онъ,—о какой-то вашей побѣдѣ надо мной, объ этомъ не можетъ быть и рѣчи: моей теоріи слѣдуютъ люди степенные, а вашей—только *виляющіе хвостомъ*". Костомаровъ вышелъ тутъ изъ своего серьезно сдержаннаго тона и отвѣтилъ: „Очень сожалѣю, что вамъ не поздоровилось, но что̀ же дѣлать, Михаилъ Петровичъ, кто идетъ на дуэль—долженъ быть приготовленъ къ тому, что можетъ быть раненъ".

Въ слѣдующемъ письмѣ Погодинъ писалъ: „Я думалъ, что вы не согласитесь, а вы сказали:—я готовъ на дуэль. Не могъ же я тогда сказать, что это была только шутка съ моей стороны". Погодинъ написалъ въ „Русской Бесѣдѣ" статью въ такомъ же тонѣ. Чернышевскій, въ очень рѣзкой статьѣ, разгромилъ Погодина. Появились мелкія статейки приверженцевъ норманнской теоріи. Костомаровъ отвѣчалъ, но это ему надоѣло, онъ напечаталъ длинную и для него довольно рѣзкую статью, гдѣ, между прочимъ, выразился, что слишкомъ уважалъ г-на Погодина, чтобы допустить мысль, чтобъ онъ рѣшился шутить надъ наукою и публикой, да еще въ стѣнахъ университета. Онъ заключилъ словами: „я навсегда кончаю свой споръ съ г-номъ Погодинымъ и больше отвѣчать ему не буду". Н. И. былъ недоволенъ, что далъ себя втянуть въ полемику, но онъ не могъ допустить, чтобы въ публикѣ подумали, что онъ отказывается отъ своей теоріи, — это слишкомъ было важно для него. За то онъ былъ очень доволенъ, когда рѣшилъ, какъ онъ выражался, предоставить свою защиту его друзьямъ, „благороднымъ рыцарямъ Свистопляски".

23-го марта была послѣдняя лекція Костомарова въ этомъ году. Онъ сначала хотѣлъ посвятить ее обзору прочитаннаго въ семестръ, но рѣшилъ, что это будетъ „недобросовѣстно: точно студенты сами не знаютъ, что̀ я читалъ", и разорвалъ приготовленный конспектъ. Въ этотъ день мнѣ, знавшей, что мы надолго уѣзжаемъ за границу, очень взгрустнулось. Я думала, что̀, можетъ быть, никогда не увижу болѣе моихъ милыхъ аудиторій, товарищей, съ которыми насъ соединяла общность взглядовъ и сочувствія, не услышу лекцій, наполнявшихъ меня восторгомъ, что я навсегда прощаюсь со всей этой молодой, живой жизнью. „Мало ли что̀ можетъ случиться въ два года!"—думалось мнѣ. Мое предчувствіе не обмануло меня, и многое измѣнилось къ худшему въ эти два года!..

XVIII.

Sublime on the towers of my skiey bowers
Lightning my pilot sits;
In a cavern under is fettered the Thunder
It struggles and howls at fits.

Shelley.

Свѣтлый праздникъ опять всѣ друзья встрѣчали у насъ, засидѣлись до утра и пошли встрѣчать восходъ солнца на набережную. Николай Ивановичъ сказалъ, прощаясь, что онъ никогда

не встрѣчалъ такъ весело праздникъ, и это намъ было очень пріятно слышать.

Тотъ фактъ, что насъ постоянно видѣли вмѣстѣ съ Костомаровымъ, не могъ обойтись безъ сплетенъ,—такъ ужъ люди созданы. Въ городѣ распространился слухъ, что я—невѣста Костомарова. Это́ доходило до меня съ разныхъ сторонъ, но съ М. у меня былъ горячій разговоръ по этому поводу.

— Знаете ли вы объ этихъ толкахъ?—сказалъ мнѣ М.—Недавно въ театрѣ князь Л. узналъ Костомарова, потому что онъ былъ въ вашей ложѣ, и спрашивалъ меня: „Правда ли, что дочь графа выходитъ замужъ за Костомарова?“ Я отвѣчаю, что ничего объ этомъ не слыхалъ, а онъ: „Полноте, весь Петербургъ объ этомъ говоритъ“.

— Я слышала,—отвѣчала я,—но мнѣ это рѣшительно все равно. Что̀ людямъ за дѣло, выхожу я замужъ или нѣтъ? И мнѣ что̀ за дѣло до того, что̀ люди говорятъ? Развѣ только можно пожалѣть общество, которое думаетъ, что молодая дѣвушка не можетъ интересоваться талантомъ, взглядами, характеромъ человѣка, не можетъ принимать его безъ цѣли выйти за него замужъ, а просто изъ сочувствія, изъ дружбы къ нему.

— Происходитъ это оттого, — продолжалъ М.,—что вы въ университетѣ обращаетесь съ Костомаровымъ, какъ дома; этого нельзя: гдѣ столько народу, надо быть осторожной.

— Ну, ужъ извините! Чтобъ я изъ за глупыхъ сплетенъ измѣнила свое обращеніе съ человѣкомъ! Чтобъ я была съ Н. И. иначе при людяхъ, чѣмъ дома!! Да что̀ же онъ обо мнѣ подумаетъ? Что я неискренна, что я стыжусь или боюсь его дружбы?.. Мнѣ не для чего скрывать мои чувства. Я такъ глубоко люблю и уважаю Костомарова, такъ цѣню,—прямо, горжусь его дружбой, — что готова кричать это не только на весь Петербургъ, но и на весь міръ!

— Что̀ же хорошаго! Послѣ скажутъ, что васъ Костомаровъ бросилъ.

— Такъ что жъ такое?.. Впрочемъ, о такихъ глупостяхъ не сто̀итъ говорить.

Не знаю, слышалъ ли Костомаровъ объ этой сплетнѣ, но онъ и виду не показалъ, и наши отношенія ничуть не измѣнились.

Къ пріѣзду матушки Н. И., онъ нанялъ хорошую квартиру на Васильевскомъ Островѣ.

Татьяна Петровна обожала своего сына, служила ему, ходила сама на рынокъ, сбивала сама масло, на которомъ имъ готовили (Н. И. былъ крайне прихотливъ насчетъ свѣжести продуктовъ), всячески ублажала и баловала его, готова была все на свѣтѣ

сдѣлать для его благополучія, но не во всемъ она его понимала и, на видъ уступая ему, умѣла часто сдѣлать по-своему, ибо и благополучіе его понимала иногда *по-своему*. Со мной Татьяна Петровна была всегда очень ласкова, и я старалась платить ей благодарностью и вниманіемъ.

Н. И. признавался мнѣ, что онъ былъ, особенно въ ранней молодости, крайне вспыльчивъ.—До того я былъ горячъ,—говорилъ онъ, что своего Лепорелло нѣсколько разъ прогонялъ: чтобы его сію минуту не было! И съ матушкой безпрестанно ссорился: наговорю, наговорю, а потомъ самъ не радъ, да не вернешь.

— И Лепорелло на васъ не сердился?

— Нѣтъ, онъ вѣдь меня съ дѣтства знаетъ.

— Изъ-за чего же вы съ мамашей ссорились?

— Мы съ ней иногда въ убѣжденіяхъ расходились. Разъ она мнѣ обѣщала двухъ своихъ крѣпостныхъ дѣвушекъ отпустить на волю. Я приготовилъ отпускную и прихожу къ ней, чтобы она подписала, а она чего-то закапризничала, такъ я такъ разсердился, что всѣ окна перебилъ!.. Видите, до чего я доходилъ!.. А вѣдь, въ сущности, я былъ правъ!

— Да, но я думаю, что ваша матушка также отпустила бы своихъ дѣвушекъ, еслибъ вы и не перебили стеколъ,—отвѣтила я, смѣясь.

Весной я заболѣла лихорадкой; мнѣ обрѣзали мои тяжелыя косы, долго лечили меня гомеопатіей, что̀ совсѣмъ изнурило меня, и наконецъ рѣшили везти въ Финляндію, такъ что мы уѣхали нѣсколько раньше, чѣмъ предполагали. Мещерскій поѣхалъ проводить насъ; Костомаровъ обѣщался часто навѣщать. Въ Выборгѣ сейчасъ позвали нашего старичка-доктора Гольціуса; онъ закатилъ мнѣ большой пріемъ хины: я пролежала безъ сознанія двадцать-четыре часа, а потомъ выздоровѣла.

Первые дни еще оставалась сильная нервность и тревожнѣе выступали разные вопросы и сомнѣнія, мучившіе меня по временамъ: „...Я не могу оторваться отъ Него,—писала я въ своемъ дневникѣ;—если я останусь безъ защиты, безъ опоры чего-нибудь высшаго, я упаду, какъ камушекъ, ничѣмъ не поддерживаемый въ воздухѣ“. Это состояніе продолжалось не долго: черезъ нѣсколько дней пріѣхалъ Н. И., я воспрянула духомъ, и у насъ сложилась прелестная жизнь.

Мы катались на лодкѣ, верхомъ и въ экипажахъ; вечеромъ занимались музыкой: одна наша гостья играла любимыя оперы Н. И., „Донъ-Жуана“ и „Жизнь за Царя“, а мы съ сестрой—въ четыре руки—сонаты Моцарта и „Аделаиду“ Бетховена, которая

тоже нравилась Н. И. Самъ онъ, тридцать лѣтъ не игравъ на фортепіано, выучилъ наизусть „La, ci darem la mano“, и такъ это его заинтересовало, что онъ во всякое время игралъ это. Идемъ мы завтракать мимо фортепіанъ,—нельзя не остановиться и не сыграть „La ci darem“! „Да когда же вы придете?—раздается голосъ мама̀,—все простыло“.—„Давайте, сыграемте это въ четыре руки“,—предлагаетъ Н. И., не обращая вниманія на призывъ. — „Ничего не выйдетъ, потому что вы не считаете“, рѣшаю я, и только потому, что нѣтъ другого рояля, мы благополучно достигаемъ балкона, гдѣ насъ ожидаетъ, по выраженію Н. И., „божественная простокваша“.

Не менѣе увлекался Н. И. англійскимъ языкомъ; мы читали съ нимъ Шекспира, Маколея, и то, что̀ я не могла перевести, искали въ лексиконахъ и комментаріяхъ. Не могу безъ смѣха вспомнить, какъ насъ засталъ дождь, когда мы возвращались съ прогулки. Всѣ наши ушли скорѣе домой, но мы съ Н. И. были заняты англійскимъ діалогомъ и равнодушны ко всему другому. Онъ употребитъ невѣрное выраженіе—я остановлюсь; я скажу что-нибудь ему непонятное—онъ остановится, бьетъ себя въ голову и хочетъ вспомнить значеніе какого-нибудь слова; я начинаю объяснять, и мы стоимъ другъ противъ друга посреди дороги, а дождь льетъ на насъ, какъ изъ ведра.

Я часто болтала вздоръ, а Н. И. любовался тѣмъ, что я еще въ нѣкоторыхъ вещахъ такой ребенокъ. „Я никогда не выйду замужъ“,—говорила я.—„Какъ смѣшно это слушать!“—восклицалъ онъ со своей ласковой улыбкой.

Чаще всего мы говорили и спорили о природѣ и объ искусствѣ.

— Посмотрите на эту ёлочку,—говорилъ Н. И.:—какая она пряменькая, зелененькая! Развѣ она вамъ не нравится?

— Нисколько, она совсѣмъ не живописна.

— То-то и бѣда, что вы смотрите на все съ художнической точки зрѣнія; вамъ то̀ нравится, что̀ годится для картины; такъ на природу нельзя смотрѣть,—это слишкомъ односторонне.

— Да, мнѣ дѣйствительно нравится въ природѣ то, что̀ просится на холстъ. Впрочемъ, и то, что̀, помимо этого, въ самой природѣ картинно, красиво, гармонично...

— Гумбольдтъ говоритъ, что истинная любовь къ природѣ восхищается каждымъ ея листикомъ. Я схожусь въ этомъ съ Гумбольдтомъ. Вотъ этотъ клочокъ природы,—прибавилъ онъ, указывая на кочку съ травой, для меня лучше всякихъ картинъ.

— Вы тоже смотрите односторонне, когда вамъ больше нра-

вятся тѣ мѣста, гдѣ есть историческія воспоминанія. Этого ужъ я совсѣмъ не понимаю: историческія воспоминанія, по-моему, одно, а природа — другое.

— Природа кажется лучше, когда къ ней привязываются воспоминанія. Одно другое дополняетъ.

— Природѣ не надо дополненій. Когда я смотрю на природу, я забываю все, кромѣ настоящей минуты и того блаженства, которое я испытываю.

— Самая прекрасная природа получаетъ особенное обаяніе, когда тутъ вѣетъ прошлымъ...

— Ну да, — горячилась я, — вамъ надо колокольни, могилы, святыхъ отцовъ! Мертвечину!..

— И природа мертва безъ людей.

— А мы вамъ развѣ не любы? — теряя всякую логику, восклицала я: — развѣ мы, живые, не лучше вашихъ мертвыхъ?..

— Послѣ этого, я побѣжденъ! — говорилъ Н. И., смѣясь.

Особенно часто и горячо защищала я пейзажную живопись, которую Костомаровъ считалъ самой низшей степенью искусства и допускалъ только какъ слабое воспоминаніе о природѣ. Онъ, какъ очень многіе, возставалъ противъ выбора сюжетовъ въ пейзажѣ, и находилъ, что если написать первый попавшійся кусочекъ травы *вѣрно*, то это будетъ прекрасная картина. Я тогда обладала слишкомъ малыми знаніями въ искусствѣ, и мои взгляды были еще слишкомъ мало обоснованы для того, чтобы я могла убѣдить Н. И., и это было мнѣ досадно... Онъ срывалъ какой-нибудь цвѣтокъ, начиналъ объяснять мнѣ физіологію и метаморфозъ растеній, говорилъ, увлекаясь самъ и увлекая меня. Вечеръ иногда заставалъ насъ въ такихъ бесѣдахъ; зажигались звѣзды, и онъ объяснялъ мнѣ ихъ теченія, называлъ созвѣздія, говорилъ о гармоніи, о безпредѣльности міозданія, объ обитаемости міровъ... Я въ восторгѣ заслушивалась. Я лучше понимала и еще больше любила природу, послѣ новыхъ познаній, которыми онъ надѣлялъ меня и которыя такъ ярко освѣщалъ своей поэтической рѣчью.

Наканунѣ Иванова дня мы устроили настоящій языческій праздникъ. Массу финновъ и русскихъ рабочихъ столяровъ мы угощали, а они пѣли свои національныя пѣсни. Одинъ молодой мужикъ потѣшалъ насъ сказками и присказками; это былъ бойкій, веселый парень; онъ былъ грамотный, но беззавѣтно вѣрилъ въ лѣшихъ, водяныхъ, „фараоновъ", въ чудодѣйственную силу цвѣта папоротника: „надо его поджидать, — разсказывалъ онъ, — надо подъ папоротникъ бѣленькій платочекъ подостлать; тутъ представленія

всякія будутъ, бѣсовскія... и кому тотъ цвѣтъ дастся, тотъ можетъ все дѣлать, можетъ клады сквозь землю видѣть. У насъ на селѣ есть такой человѣкъ". Николай Ивановичъ предложилъ древнерусское гаданіе: переводить коня черезъ колоду. Я, сестра и всѣ наши дѣвушки украсили себя вѣнками изъ полевыхъ цвѣтовъ и кленовыхъ листьевъ, лошадь всю обвили гирляндами, и я перевела ее черезъ бревно: если конь переступалъ правой ногой, это значило, что задуманное желаніе исполнится въ этомъ году.

— Ну, Максимъ, теперь твоя очередь,—сказала я веселому парню.

— Да что̀ мнѣ гадать? Я ужъ свое счастье знаю: вотъ Аннушка не хочетъ за меня идти,—сказалъ онъ, лукаво поглядывая на некрасивую чухонку, которая застыдилась и скрылась за дверью дома.

— Ты развѣ женился бы на чухонкѣ?—спросила мама̀.

— По мнѣ, ваше сіятельство, пусть хошь и дура, да хорошенька.

— Развѣ Аннушка хорошенькая?

— Для меня, значитъ, годится. Не по̀ хорошу милъ, а по̀ милу хорошъ.

— Въ Торжкѣ у васъ какія красавицы есть, — сказалъ кто-то.

— Онѣ есть-то есть, да мы-то тамъ не бываемъ, все здѣсь околачиваемся. Вотъ, отпрошусь на праздникъ, на два дня, такъ, можетъ, и женюсь.—Онъ лихо вскочилъ на лошадь и, весело покрикивая, перескочилъ черезъ бревно.

Разложили большой костеръ, и Н. И. первый перепрыгнулъ черезъ него. Далеко за̀ полночь горѣли въ разныхъ мѣстахъ смоляныя бочки, называемыя въ Финляндіи „коками", и раздавались пѣсни.

У насъ только-что былъ отстроенъ флигель, гдѣ была большая зала; въ ней мы устраивали балы для крестьянъ. Чухны, всегда такіе флегматичные, танцуютъ живо и любятъ танцовать. При звукахъ трехъ скрипокъ танцовали польки, искалѣченныя кадрили, но больше всего—свой народный, довольно странный танецъ: люди, стоя другъ противъ друга, трясутся и топчутся на одномъ мѣстѣ; мужчины при этомъ иногда выдѣлываютъ па̀, вродѣ присядки, женщины же только быстро переступаютъ съ пятокъ на пальцы и изрѣдка вздрагиваютъ плечами. Не только мы съ сестрой, но и Николай Ивановичъ, и отецъ мой принимали участіе въ танцахъ. Финны не конфузились насъ, а очень гордились, что господамъ съ ними такъ весело.

Наибольшее впечатлѣніе въ это лѣто произвела на меня одна поѣздка на Иматру. Мы цѣлый день просидѣли около водопада; Н. И. объяснялъ мнѣ многія физическія явленія, совѣтовалъ прочесть физическую географію лэди Соммервиль и другія книги.

— Знаете ли, что̀ на меня наиболѣе поэтически дѣйствуетъ въ Иматрѣ?—сказалъ онъ послѣ того, какъ мы нѣсколько времени любовались молча:—это мысль, что эти волны все такъ же однообразно бѣгутъ, можетъ быть, съ начала міра, вѣками проходятъ одна за другой, на томъ же мѣстѣ пѣнятся и разсыпаются и, одна за другой, исчезаютъ. Пройдутъ еще вѣка̀, и онѣ все будутъ течь и пропадать для поддержки одной вѣчной идеи, идеи гармоническаго цѣлаго. Посмотрите на деревья: эти листья опадутъ, сгніютъ, это дерево засохнетъ, а деревья продолжаютъ расти на землѣ...

— Еслибъ вы знали,—воскликнула я,—какъ я часто думаю, что безсмертіе,—это, можетъ быть, и значитъ, что мы умремъ, а масса людей будетъ жить!.. Мы какъ будто тѣло этой безсмертной души природы... Это только очень обидно для нашей личности, для нашего эгоизма.

Поздно вечеромъ разыгралась сильная гроза и при такой эффектной обстановкѣ, что я никогда потомъ не видѣла ничего подобнаго. Мы укрылись въ залѣ со стеклянными стѣнами, выстроенной надъ самымъ водопадомъ и служившей столовой и буфетомъ. Въ моемъ ужасѣ, перешедшемъ скоро въ чистый восторгъ, я не могла оторваться отъ великолѣпнаго зрѣлища. Молнія сначала дрожала и блестѣла вдали, но гроза стала быстро находить: надъ горизонтомъ поднимался огненный столбъ и, какъ въ фейерверкѣ, выбрасывалъ снопы то зеленаго, то краснаго свѣта; за секунду бѣлыя, легкія облака, вдругъ черными силуэтами вырѣзывались на освѣщенномъ небѣ; водопадъ рвался, метался; постоянный ревъ его, какъ аккомпаниментъ, вторилъ страшнымъ раскатамъ грома; бѣлая пѣна вздымалась и огненными брызгами разсыпалась кругомъ. Была минута какого-то страшнаго безмолвія, и гроза разразилась почти надъ нами, освѣщая нашъ стеклянный домикъ со всѣхъ четырехъ сторонъ. Нѣкоторымъ дамамъ сдѣлалось дурно.

— А вамъ не страшно?—спросилъ меня Н. И.

— Нѣтъ.

— Это рѣдко, чтобъ молодая дѣвица не боялась грозы.

— Я ужасно боялась, даже пряталась подъ подушки, но сегодня это слишкомъ хорошо. Еслибъ меня и убило за это, я

не отошла бы теперь отъ окна!.. Я никогда больше не буду бояться: всякая гроза мнѣ будетъ напоминать эту чудную ночь!

Когда гроза начала успокоиваться, мы уложили мою заплаканную сестру на диванъ, и она уснула, а мы сидѣли около нея и тихо разговаривали; я все жалѣла, что эта дивная гроза проходитъ. Къ утру только мы могли выйти изъ стекляннаго павильона.

На другой день я въ чемъ-то упрекала мама̀ при Костомаровѣ и говорила рѣзко. Мы пошли съ нимъ въ садъ, долго шли, молча, по аллеѣ; потомъ Н. И. сказалъ:

— Зачѣмъ вы хандрите?

— Съ чего вы взяли, что я хандрю?

— А что̀ вы наговорили графинѣ?.. Такой матери съ огнемъ не найти.

— Я знаю. Я это только такъ... Я сама не понимаю, что̀ со мной дѣлается иногда...

— Вы раздражены, вы недовольны, вы чего-то желаете, это— избытокъ жизни.

Мама̀ подошла къ намъ, но мы продолжали разговоръ.

— Мнѣ всегда чего-то недостаетъ,—говорила я,—особенно когда въ природѣ такъ тихо, какъ теперь, мнѣ все что-то неполно; чего-то, правда, хочется, но я сама не знаю, чего...

— Вы будете любить, и тогда природа покажется полнѣе. Этого-то вамъ и недостаетъ, этого-то вамъ и хочется.

Я молчала.

— Вы будете сильно любить, — повторилъ онъ грустно. — Вчера я видѣлъ, какой въ васъ запасъ поэзіи,—слишкомъ много: это будетъ источникъ страданія.

Мы опять нѣсколько времени всѣ шли молча, и, неожиданно для меня, онъ сказалъ:

— Пишите стихи, Ек. Ѳ., а то вся ваша поэзія обратится въ жизнь,—берегитесь этого!.. Пишите стихи.

Я привожу этотъ разговоръ, потому что мнѣ часто приходилось вспоминать его въ послѣдующей жизни моей.

XIX.

Мы помнимъ горькую утрату,
Внимая новый шумъ лѣсовъ.

Пушкинъ.

Подходило время нашего отъѣзда за границу. Мнѣ совсѣмъ не хотѣлось ѣхать. Хотя я знала, что много тамъ будетъ для меня интереснаго, но какъ было покинуть то новое и будто

давно родное, съ чѣмъ я сжилась за этотъ годъ! Какъ уйти отъ этой кипящей, веселой и содержательной жизни! Всѣ мои просьбы остаться разбились о безапеляціонное рѣшеніе матери. Между ея различными доводами было и то, что рѣчь шла о назначеніи меня фрейлиной, а мама̀ отклоняла это, говоря всюду, что она бы хотѣла ѣхать за границу, чтобъ окончить мое образованіе,— и теперь уже неловко оставаться.

Разставаніе съ нашей финляндской прислугой было трогательно: они плакали, точно хоронили насъ. Особенно убивалась одна старуха Элли, нищая, которую мы подобрали и пріютили у себя, безгранично любившая мою сестру. „Ольга такъ внимательна къ ней,—нахожу я въ своемъ дневникѣ:—когда мы катаемся, она посадитъ Элли возлѣ себя, закутаетъ ей ноги; всѣ чухны удивляются, какъ она мило ухаживаетъ за старухой". Моя сестра была всѣми любима, у нея былъ даръ привлекать людей.

У насъ долгое время жилъ дворникомъ нѣкій Германъ, морякъ по призванію, какъ почти всѣ финны; въ свободное время онъ занимался рыбной ловлей. Мама̀ не боялась отпускать насъ съ нимъ, и я, еще ребенкомъ, сроднилась съ моремъ и волнами. Иногда къ Герману приходилъ его пріятель, охотникъ Матвѣй. Я, маленькая, любила этого человѣка и живо помню его. Онъ имѣлъ довольно дикій видъ и никогда не разставался со своимъ ружьемъ. Загорѣлый, со всклоченными волосами и бородой, съ недовѣрчивымъ взглядомъ изъ-подъ нависшихъ бровей, онъ напоминалъ Куперовскихъ траппистовъ. При видѣ меня, лицо его преображалось, онъ сажалъ меня на колѣни, глаза свѣтились ласково, голосъ звучалъ мягко,—и онъ начиналъ длинные разсказы о жизни въ лѣсу, о нравахъ птицъ. По-русски онъ говорилъ безъ всякаго акцента, выражался какъ человѣкъ интеллигентный, но, кажется, только со мной и говорилъ по-русски. Онъ, вѣроятно, былъ бѣглый и скрывался; по словамъ Германа, онъ былъ прежде офицеромъ, и за что-то разжалованъ.

У меня былъ привязчивый характеръ, и мнѣ было тяжело разставаться какъ со всѣми этими людьми, такъ и съ любимой природой, и съ моими двумя собаками. „Тоби", мой любимецъ, долженъ былъ оставаться у Костомарова до нашего возвращенія.

Надо было устроить еще кое-какія дѣла въ Петербургѣ, поэтому мы остановились въ гостинницѣ, откуда я тотчасъ же сбѣжала къ тётѣ, въ свѣтлую квартирку, нанятую для нея на Островѣ, съ видомъ на Невку и Петровскій паркъ. Я не могла себѣ представить, какъ я буду обходиться безъ тёти за грани-

цей, и, напослѣдокъ, безконечно наслаждалась ея близостью: такъ мнѣ сладко и уютно у нея было! Посѣщали насъ Шевченко, который былъ очень друженъ съ тётей, Костомаровъ, К. и другіе. Скоро и наши изъ скучной гостинницы перебрались къ тётѣ, и мы провели тамъ нѣсколько счастливыхъ дней, окруженные нашими друзьями, цѣлой толпой провожавшими насъ, когда мы, 19-го августа, наконецъ, выѣхали за границу.

Николай Ивановичъ поѣхалъ съ нами до Пскова. Его желаніе выпить съ нами шампанскаго на Довмонтовой стѣнѣ исполнилось. Мы сидѣли на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, по всей вѣроятности, долженъ былъ стоять вѣчевой колоколъ. Подъ нами лежала площадь, гдѣ собиралось вѣче; за нею—городъ съ рѣчкой Псковой, за нами—соборъ св. Троицы. Солнце свѣтило, колокола гудѣли торжественно и мелодично. Вспоминали мы, какъ тутъ, когда-то, сходился народъ, чтобы судить и рядить, и еще мертвѣе казалась намъ пустота современнаго городишки...

Мысль о скорой разлукѣ придала этимъ послѣднимъ минутамъ, проводимымъ вмѣстѣ, оттѣнокъ грусти...

Е. Юнге.

Москва, 4-го декабря 1903 г.